

Литературная газета

Пятница, 26 марта 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (652)

О РАБОТЕ С МОЛОДЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Одну из наиболее заурядных задач работы союза писателей в центре и на местах — работа с молодыми членами союза.

Кажется бы, нет нужды доказывать необходимость особого внимания литературных организаций к молодым писателям, часто нуждающимся в помощи в гораздо большей степени, чем старшее писательское поколение. Но факты из практики ССП свидетельствуют, что не все руководители понимают задачи союза в этой области.

Прежде всего, молодые писатели совершенно недостаточно участвуют во внутрисоюзной жизни.

На совещаниях в редакции «Литературной газеты» молодые писатели о горячо говорили об этом. Им неизвестно, что делают руководящие органы союза, какие принимают решения, каковы планы их дальнейшей работы. Время от времени молодые писатели приглашаются на различные парадные заседания, на которых обязательно нужно выступление от имени молодежи. Для большинства молодых писателей этим и ограничивается их участие в союзной работе.

Писательская молодежь в Москве, как правило, не привлекается к участию в заседаниях правления ССП даже тогда, когда правление заседает совместно с активом.

В этих случаях действует знаменитая «сбойка», в активе числятся не большие группы именитых писателей, которые по сути дела совсем не так активны в общественной (а отчасти — и в творческой) работе.

Однако, по завещанию еще со времени Оркомитета ССП традиции они припадают на решения важнейших вопросов жизни союза, и никто не хочет пересмотреть состав актива, включая в него молодых писателей, творчески выросших за последние годы и стремящихся к активному участию в союзной работе. То же самое наблюдается и в Ленинграде, и в республиканских литературных организациях.

Молодые писатели жалуются и на то, что их имена не попадают в списки приглашаемых к участию во многих действительно интересных мероприятиях ССП (например, встречи с крупнейшими иностранными писателями). Общаются с руководителями, которые считают, что эти жалобы — «смыслов», не стоящая их внимания. По таким «смыслам» молодой писатель судит об отношении к нему организации.

«Лиды борются за то, чтобы получить право входа на трибуну во время демонстраций, за то, чтобы получить право проехать на первом пароходе по каналу Волга—Москва. За это борются лучшие люди московских заводов, борются своими рекордами, своими производственными успехами. А у нас? У нас дай две, три, пять хороших книг, но все равно почетное право получить тот писатель, кто давно уже может быть и не работает, никакой творческой работы не выполняет. Это — результат установленных оценок», — так говорил на одном из совещаний писатель, написавший несколько хороших книг. Бесспорно, он выражал настроения многих писателей, и руководителям союза следует серьезно над этим задуматься.

Руководящие органы союза подготавливают материалы для молодежи не дифференцированно, без знания каждого отдельного писателя, его работ, его личностных нужд и запросов. А ведь как раз особенно и нужен индивидуальный подход, четкое и внимательное отношение к человеку.

Это нужно и для того, чтобы вовремя заметить, как это умеет делать Горький, новое свежее дарование, помочь ему творчески, и для того, чтобы в необходимых случаях материально поддерживать молодого писателя. Надо сказать, что и в деятельности Литфонда можно явно отметить просчеты ту же ставку на имена, которой характеризуется работа руководящих органов союза.

Совершенно возмутительно отношение значительной части наших критиков к творчеству молодых писателей. Критические «маэстры» не хотят работать над книгами молодых. Наши редакции тратят множество усилий для того, чтобы «говорить» серьезного критика написать о первой книге малоизвестного автора.

Именно поэтому многие редакция решила, что писать о молодых могут и всякие околосредовые халтурщики.

Положение совершенно непереносимое, но критическая секция правления ССП совсем не думает об этом, как, впрочем, и о многих других вопросах, ее непосредственно касающихся.

Новые книги способных молодых писателей не обсуждаются в союзе. В практике правления ССП не было случая обсуждения новой книги или сообщения о творческой работе молодого писателя с периферии. А как могло бы ободрить, заечь, вдохновить такое обсуждение и самого писателя, и всю писательскую молодежь.

Талантливых молодых писателей у нас немало, их надо хорошо знать, конкретно и дифференцированно помогать им — в этом основа работы союза по подготовке и совершенствованию новых кадров литературы.

Бывает так, что вследствие тех или иных обстоятельств руководящие органы союза занимаются каким-либо молодым писателем. Тогда допускается другая крайность — молодого писателя захваливают, не указывая ему на его недостатки, не ставя перед ним задачи учебы и совершенствования. Так было, например, с молодым писателем Аделенко. Ничего, кроме вранья, подобное захваливание не приносит.

Никто в союзе, кроме случайных и второстепенных работников, не занимается специально вопросам более совершенного воспитания писательской молодежи, не думает о формах этой работы. Вопросы подготовки новых литературных кадров не привлекают серьезного внимания правления. Деятельность специальных учебных заведений правления интересует его только в том случае, если какой-либо молодой писатель со старшим поколением, систематического обмена творческим опытом не налажено.

Слабость работы союза с молодыми писателями очевидна. Но там, где плохо работаем мы, стараются как следует «спорить» враги.

Факты, вскрытые в Центральной комиссии в Ленинграде, о которых сообщает сегодня наш ленинградский корреспондент, как нельзя более ясно об этом свидетельствуют. Там, где молодежь не находится постоянно в сфере внимания и воспитательного влияния правления союза и партийных групп, там стремятся вытеснить на нее Корниловы, Васильевы, Семеяковы и прочие контрреволюционные порки.

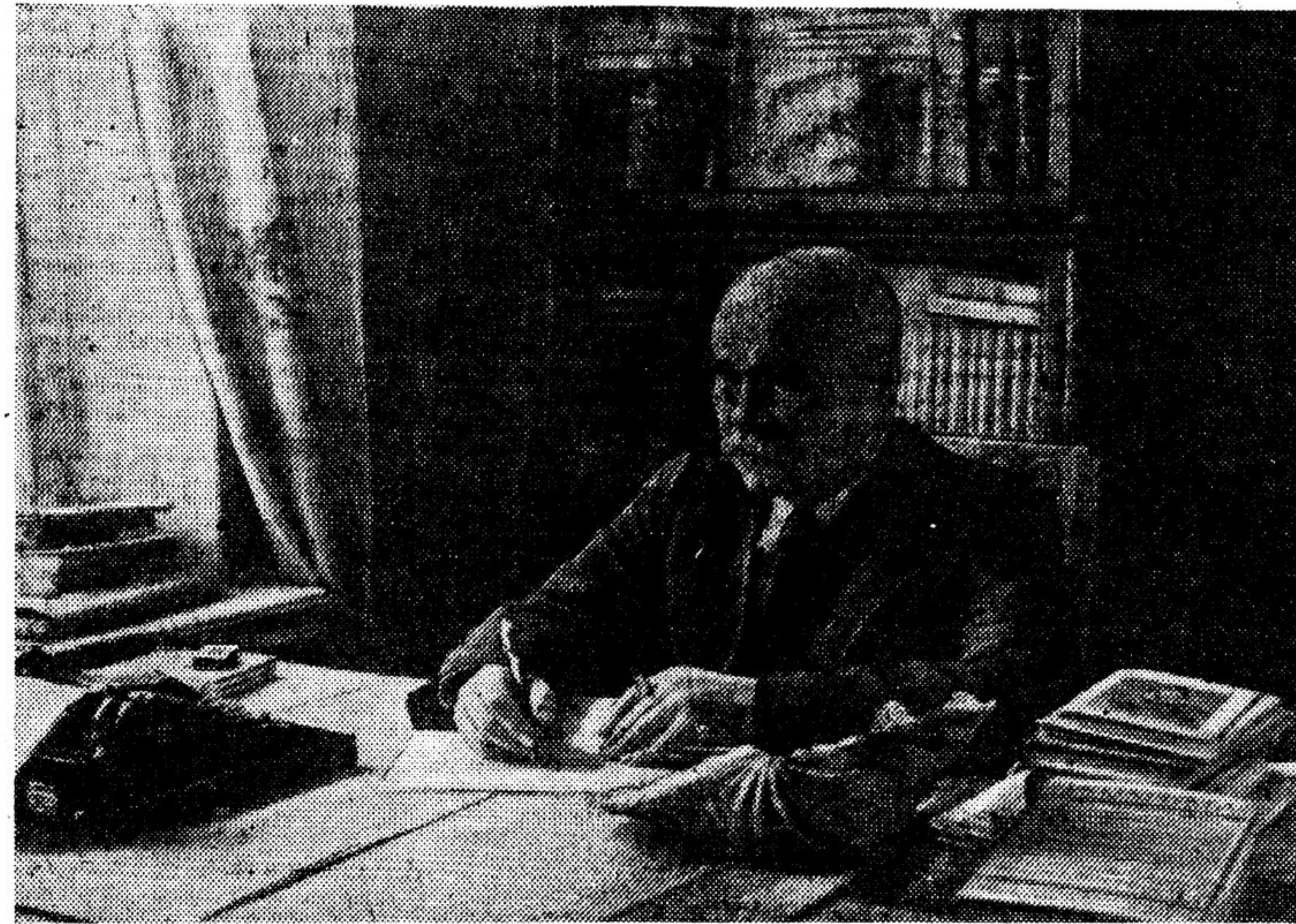
Партийная бесчестьность партийных организаций писателей в вопросах работы с молодежью. Партиорганизация московских писателей, например (не усложняясь, кстати, до сих пор обходить на партсобрании решения Пленума ЦК ВКП(б)), никогда не пыталась всерьез заглянуть партийно-политическую работу среди писательской молодежи. Широкая масса беспартийных молодых писателей не охвачена сетью партисполкома, слабо привлекается на открытые партийные собрания. Коммунисты-писатели обязаны активизировать работу своего непереворотного парткома.

Невнимательное отношение к писательской молодежи со стороны некоторых частей молодых неправительственных, незлобное отношение к своей организации и к старшему поколению писателей. Такие враждебные настроения также пытаются использовать враг, протаскивая мысленку о неупущенности писательских объединений вообще.

Ворьба с подобными настроениями, разоблачение враждебных вылазок будут гораздо более успешны, когда союз по-настоящему организует работу с нашей способной и растущей молодежью. Нужна и гораздо большая активность самих молодых писателей в деле перестройки союзной работы.

Надо покочить с глубокой вредной, чуждой нашему строю привычкой шептаться о недостатках союза по коридорам и молчать о них на собраниях. Часть наших товарищей боится этой болезни.

Работа союза писателей с молодыми его членами должна быть перестроена совместными усилиями правления ССП и всей писательской молодежи на основе полнотной самодиагностики и широкого развертывания внутрисоюзной демократии.

А. С. Новиков-Прибой в своем рабочем кабинете. Фото М. Маркова.

Народный писатель

Юбилейный вечер А. Новикова-Прибои в ССП

На столе — гора пригласительных телеграмм, перечень которых предельно исчерпывающий (г. В. Ставский) затрудняется дать. Это отчасти бы слишком много времени. Они пришли со всех концов нашей великой страны и несут с собой те же чувства, те же тепло, которым дышит и каждое слово тех, кто лично пришел сегодня приветствовать писателя в день его 60-летия.

Соборы по перу т. Ставский, Серафимович, Вишневский, Джержавецко, представители Красной флотии — флагами флота II ранга Галере — от имени Управления морских сил, Флеров и Бокочков — от командования и личного состава Балтийского и Черноморского флотов, директора издательства Нагорных и Лазарев, читатели, библиотекарь работника, наконец, друзья, вместе с Новиковым-Прибоем переживают уязву «Шустимы» — Ларонов, Волеволин, Зубов, Зефиров, — все они с восхищением и признательностью говорят о свойствах Алексея Сильча как человека и художника.

Искренняя задушевность, простота, органическая связь с народом, изнутри которого он вышел, бесконечная любовь к морскому стихию и глубочайшая ненависть ко всем формам унизения и произвола — вот что сделало Новикова-Прибои одним из замечательнейших писателей, обусловив все его тематикой, привело к созданию такого классического труда, как «Шустима». «Адмирал морской литературы» — это сказано Вс. Вишневым в его вступительной, всех захватившей речи, не для красной полтерливости, что Новиков-Прибой пользуется в Красном флоте непревзойденным авторитетом, что массы воспринимают «Шустиму» как своего рода эпос, охвативший не только определенный период, но и в целом тот страшный исторический путь русского флота, о котором так ярко, с таким знанием дела говорил Вишневский.

Но ошибочно думать, что в сознании массового читателя Новиков-Прибой входит только как автор «Шустимы». Московские библиотекарки сообщают, что спрос предвидается на ее книгу Новикова-Прибои и что на она из них не задерживается на полках. Можно спросить: что же, неужели только морская тематика обладает такой притягательной силой для читателя, неужели так велик интерес к прошлому русского флота?

На это дает совершенно правильный ответ А. Серафимович в своей характеристике «Шустимы». Если бы произведения Новикова-Прибои имели

ли «сухо-морской» характер, то навряд ли они пользовались бы такой широкой популярностью. Но все дело в том, что в своих книгах и в особенной, потрясающей силой в «Шустиме» Новиков-Прибой показал всю гниущую систему самодержавия, беспринципные и беспартийные писатели, которые делали необъяснимый поворот крах устоев, утверждавшихся в государственстве помещиков, чиновников и купцов.

Вот в чем секрет такого могучего воздействия «Шустимы». Она, повторяю каждый оратор, вооружает не только к приракам прошлого, воспитывает чувства социалистического патриотизма, она — один из самых действенных факторов в борьбе за увеличение нашей военной мощи, за развитие социалистического флота. И ей суждено в ближайшие годы и десятилетия быть историей советской литературы.

На товарищеской встрече, состоявшейся после официальной части, юбиляра горячо приветствовали заместитель наркома обороны СССР, начальник морских сил флагами флота I-го ранга В. М. Орлов, командир Н. В. Ракинтин, герой Советского Союза В. Чкалов, писатели П. Павленко, Демьян Бедный, В. Луговской и др. Яр.

«Литературное Ленинград» — ныне закрытой газете — проследило заглавие «Шустимы» и посредственных книг, подхалимство, подвизались в качестве критиков ныне разоблаченные враги народа — Майзель, Мустамова, Штейнман и др.

Но в Москве обсуждение важнейших вопросов жизни союза еще не началось.

Никак не раскочились еще парторганизация московских писателей и правление ССП. До сих пор не создано собрание московских писателей.

А поговорить есть о чем. Правление ССП еще ни разу не выступило с докладом о своей работе, с деловым и обстоятельным отчетом перед массовыми писателями. Пленумы правления до сих пор не отличались самокритичностью, в них было немало шумихи и парадности, декларативности. Правление критиковало писателей, но писатели еще не критиковали правление.

За последние дни редакции «Литературной газеты» посетили некоторые писатели (которые, кстати сказать, незаметно на парадных собраниях для того, чтобы побеседовать о работе союза писателей, о предстоящей перестройке (Н. Вирта, Карлики Ленин, П. Оватор, И. Уткин, С. Голднер, П. Маркиш, Е. Доматовский, М. Голдштейн, А. Кушниров, Г. Фин).

О работе правления эти товарищи говорят чрезвычайно резко.

Главный вопрос, который ставится особенно остро, — союз не стал для нас по творческой организации. Он слишком много занят хозяйственными делами, квартирами, дачами, путевками, в то время как все это работу надо делить сосредоточить в Литфонде, в РЖСНТ «Советский писатель», обеспечить только руководство и систематический контроль за их деятельностью.

Союз не положил вилотную к работе своих членов — каждого в отдельности. На собраниях и заседаниях фигурируют одни и те же имена. Правление союза не знает своих писательских кадров. Между тем подрастающая литературная молодежь, произошли серьезные перемены в среде уже давно известных писателей.

Дневник «Литературной газеты»

Решения пленума ЦК ВКП(б) вывалили во всей нашей стране бурный отклик, широкую волну самокритики, горячее обсуждение вопросов перестройки работы партийных, советских и общественных организаций в связи с введенным в жизнь Сталинской Конституции.

Развернувшаяся все шире и глубже советская демократия наносит жестокие удары израненным и неподаткам работы в ряде этих организаций — идиотской болезни беспечности, отрыву от масс, бюрократии, подхалимству и угодничеству, за которыми зачастую прячется классовый враг, подмена выборности назначением, зажиму самокритики.

Писательские организации не являются в этом отношении исключением. Собрание ленинградских писателей впервые провалилось в работе своего правления. Секретарем организации долгое время был враг народа Горелов, который сознательно разваливал работу с помощью своих соратников — презренного троцкиста Майзеля и других. Творческая работа была в заоне, лучшие коммунисты и беспартийные писатели сознательно уклонялись от работы этим контрреволюционным «руководством».

В «Литературном Ленинграде» — ныне закрытой газете — проследило заглавие «Шустимы» и посредственных книг, подхалимство, подвизались в качестве критиков ныне разоблаченные враги народа — Майзель, Мустамова, Штейнман и др.

Но в Москве обсуждение важнейших вопросов жизни союза еще не началось.

Никак не раскочились еще парторганизация московских писателей и правление ССП. До сих пор не создано собрание московских писателей.

А поговорить есть о чем. Правление ССП еще ни разу не выступило с докладом о своей работе, с деловым и обстоятельным отчетом перед массовыми писателями. Пленумы правления до сих пор не отличались самокритичностью, в них было немало шумихи и парадности, декларативности. Правление критиковало писателей, но писатели еще не критиковали правление.

За последние дни редакции «Литературной газеты» посетили некоторые писатели (которые, кстати сказать, незаметно на парадных собраниях для того, чтобы побеседовать о работе союза писателей, о предстоящей перестройке (Н. Вирта, Карлики Ленин, П. Оватор, И. Уткин, С. Голднер, П. Маркиш, Е. Доматовский, М. Голдштейн, А. Кушниров, Г. Фин).

О работе правления эти товарищи говорят чрезвычайно резко.

Главный вопрос, который ставится особенно остро, — союз не стал для нас по творческой организации. Он слишком много занят хозяйственными делами, квартирами, дачами, путевками, в то время как все это работу надо делить сосредоточить в Литфонде, в РЖСНТ «Советский писатель», обеспечить только руководство и систематический контроль за их деятельностью.

Союз не положил вилотную к работе своих членов — каждого в отдельности. На собраниях и заседаниях фигурируют одни и те же имена. Правление союза не знает своих писательских кадров. Между тем подрастающая литературная молодежь, произошли серьезные перемены в среде уже давно известных писателей.

Некоторые литературные генералы давно уже ничего не пишут, или пишут плохо, но продолжают, вроде Пильняка или Ильина, ходить в корпорации работы партийных, советских и общественных организаций в связи с введенным в жизнь Сталинской Конституции.

Нужно сдать в архив такие порядки. И на предстоящем собрании московских писателей это будет сказано полным голосом. Нужно вообще взять из ведения союза хозяйственные, снабженческие функции и т. п. Они должны быть переданы полностью и целиком — уж сколько раз твердили миру! — Литфонду и только Литфонду (который, кстати, тоже нуждается в хорошей перестройке, в окончательном просмотре всей системы работы и всего руководства).

ССП должен заниматься исключительно творческими вопросами. Ведь было бы ошибкой думать, что в правлении сидят только «сведомые генералы», выносящие исключительно управленческие функции. Там есть — и в довольно большом количестве — люди, пользующиеся почетом и уважением писательской работы, как творцы подлинно художественных шедевров, люди, по природе своей энергичные, инициативные, с общественной жизнью. Но и они не находят выхода для своей энергии, и они разошлись друг с другом.

За правлением ССП в писательской среде уже установилась глупая «департамента». Правление союза социально парализовано, летской литературы, литератур браков народов, критиков, драматургов, и этими секциями, в которых сидят большей частью третесственные работники, околотипографические люди, оно по существу отгородилось от живого общества писательской массы.

Правление ССП — около ста человек. Сколько из них фактически участвует в работе, обсуждает, вырабатывает решения, может вести за них ответственность? Насколько правомочно заплата секретаря из трех и работников зала? Насколько правомочно заседание правления, если нет вьюрма? Все это приводит к бюрократизации работы, к подмене коллегиальности единоличием в общественной организации?

Эти крупнейшие недостатки создают отчужденность между писателями и правлением. Отсюда возникает разговорчики о том, что союз вообще ничего не дает и не нужен, а этими вреднейшими разговорчиками подвизается и раздувает их классовый враг, который стремится раздробить единый отряд советских писателей, разбить этот огромный валовый коллектив, чтобы отвлечь себе хоть одного-двух писателей.

Большевистская самокритика нужна в литературной среде, как воздух, как хлеб. Лишь на этой основе будет создана та творческая атмосфера, в которой неизбежно повысится чувство ответственности не только у руководителей, но и у каждого писателя в отдельности. Лишь на этой основе возможна коренная перестройка структуры ССП, методов его работы.

Сообщать по перу т. Ставский, Серафимович, Вишневский, Джержавецко, представители Красной флотии — флагами флота II ранга Галере — от имени Управления морских сил, Флеров и Бокочков — от командования и личного состава Балтийского и Черноморского флотов, директора издательства Нагорных и Лазарев, читатели, библиотекарь работника, наконец, друзья, вместе с Новиковым-Прибоем переживают уязву «Шустимы» — Ларонов, Волеволин, Зубов, Зефиров, — все они с восхищением и признательностью говорят о свойствах Алексея Сильча как человека и художника.

Искренняя задушевность, простота, органическая связь с народом, изнутри которого он вышел, бесконечная любовь к морскому стихию и глубочайшая ненависть ко всем формам унизения и произвола — вот что сделало Новикова-Прибои одним из замечательнейших писателей, обусловив все его тематикой, привело к созданию такого классического труда, как «Шустима». «Адмирал морской литературы» — это сказано Вс. Вишневым в его вступительной, всех захватившей речи, не для красной полтерливости, что Новиков-Прибой пользуется в Красном флоте непревзойденным авторитетом, что массы воспринимают «Шустиму» как своего рода эпос, охвативший не только определенный период, но и в целом тот страшный исторический путь русского флота, о котором так ярко, с таким знанием дела говорил Вишневский.

Но ошибочно думать, что в сознании массового читателя Новиков-Прибой входит только как автор «Шустимы». Московские библиотекарки сообщают, что спрос предвидается на ее книгу Новикова-Прибои и что на она из них не задерживается на полках. Можно спросить: что же, неужели только морская тематика обладает такой притягательной силой для читателя, неужели так велик интерес к прошлому русского флота?

На это дает совершенно правильный ответ А. Серафимович в своей характеристике «Шустимы». Если бы произведения Новикова-Прибои имели

ли «сухо-морской» характер, то навряд ли они пользовались бы такой широкой популярностью. Но все дело в том, что в своих книгах и в особенной, потрясающей силой в «Шустиме» Новиков-Прибой показал всю гниущую систему самодержавия, беспринципные и беспартийные писатели, которые делали необъяснимый поворот крах устоев, утверждавшихся в государственстве помещиков, чиновников и купцов.

Вот в чем секрет такого могучего воздействия «Шустимы». Она, повторяю каждый оратор, вооружает не только к приракам прошлого, воспитывает чувства социалистического патриотизма, она — один из самых действенных факторов в борьбе за увеличение нашей военной мощи, за развитие социалистического флота. И ей суждено в ближайшие годы и десятилетия быть историей советской литературы.

На товарищеской встрече, состоявшейся после официальной части, юбиляра горячо приветствовали заместитель наркома обороны СССР, начальник морских сил флагами флота I-го ранга В. М. Орлов, командир Н. В. Ракинтин, герой Советского Союза В. Чкалов, писатели П. Павленко, Демьян Бедный, В. Луговской и др. Яр.

«Литературное Ленинград» — ныне закрытой газете — проследило заглавие «Шустимы» и посредственных книг, подхалимство, подвизались в качестве критиков ныне разоблаченные враги народа — Майзель, Мустамова, Штейнман и др.

Но в Москве обсуждение важнейших вопросов жизни союза еще не началось.

Никак не раскочились еще парторганизация московских писателей и правление ССП. До сих пор не создано собрание московских писателей.

А поговорить есть о чем. Правление ССП еще ни разу не выступило с докладом о своей работе, с деловым и обстоятельным отчетом перед массовыми писателями. Пленумы правления до сих пор не отличались самокритичностью, в них было немало шумихи и парадности, декларативности. Правление критиковало писателей, но писатели еще не критиковали правление.

За последние дни редакции «Литературной газеты» посетили некоторые писатели (которые, кстати сказать, незаметно на парадных собраниях для того, чтобы побеседовать о работе союза писателей, о предстоящей перестройке (Н. Вирта, Карлики Ленин, П. Оватор, И. Уткин, С. Голднер, П. Маркиш, Е. Доматовский, М. Голдштейн, А. Кушниров, Г. Фин).

О работе правления эти товарищи говорят чрезвычайно резко.

Главный вопрос, который ставится особенно остро, — союз не стал для нас по творческой организации. Он слишком много занят хозяйственными делами, квартирами, дачами, путевками, в то время как все это работу надо делить сосредоточить в Литфонде, в РЖСНТ «Советский писатель», обеспечить только руководство и систематический контроль за их деятельностью.

Союз не положил вилотную к работе своих членов — каждого в отдельности. На собраниях и заседаниях фигурируют одни и те же имена. Правление союза не знает своих писательских кадров. Между тем подрастающая литературная молодежь, произошли серьезные перемены в среде уже давно известных писателей.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

НОВИКОВУ-ПРИБОЮ

Он навеет войдет в потопство,
Наш славный Новиков-Прибой,
Как поучительно знакомство
С его причудливой судьбой!
Самодержавия возмущ спертый
Еще нам лезшие травил,
Когда себя «Матрос Затертый» *
В литературе об'явил.
* Первоначальный псевдоним Новикова-Прибои в 1906 г.

По духоте невзможной
Мы дали бой, Октябрьский бой,
И вот — па выд на весь «ПУСИМОЙ»
Взгремел наш Новиков-Прибой.
Наш Сильч — силой времкой лезет.
Рабоче-творческий аяр
С высокой мачты он сигналил,
Литературный адмирал.
Он смотрит с зорким выпрачком,
Чтоб враг не мог нас обйти.
—Вперед, и великим достоинством
На нашем творческом пути!

Излюбленные

КНИГИ МАСС

Дорогой Алексей Сильч!
Редакция журнала «Знамя» и актив писателей горячо подхватывают вас с днем вашего шестидесятилетия. Ваши романы и рассказы о старом русском флоте, в особенности «Шустима», и героические советских моряков являются излюбленным чтением многомиллионных масс нашего народа.
Читатели с нетерпением ждут вашего нового романа о современном советском флоте, о его героических делах и людях. Мы особенно рады, что вы, Алексей Сильч, работаете вместе с нами над созданием большой оборотной литературы Советской страны. Вместе с вами мы создаем великое чувство любви к социалистической родине, на помочу которой служат ваши произведения.
Горячо желаем вам долгой и плодотворной работы.
М. ЛАНДА, С. РЕЙЗЕН, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, С. ВАШЕНЦЕВ, В. ЛУГОВСКИЙ, Н. ВИРТА, А. ТАРАСЕНКОВ, П. ПAVЛЕНКО, Л. СОБОЛЕВ, Л. РУБИНШТЕЙН, Б. РОМАШОВ, Ю. ЯНОВСКИЙ, Вас. ГРОССМАН, В. ПЕРЦОВ, В. КУРОЧКИН.

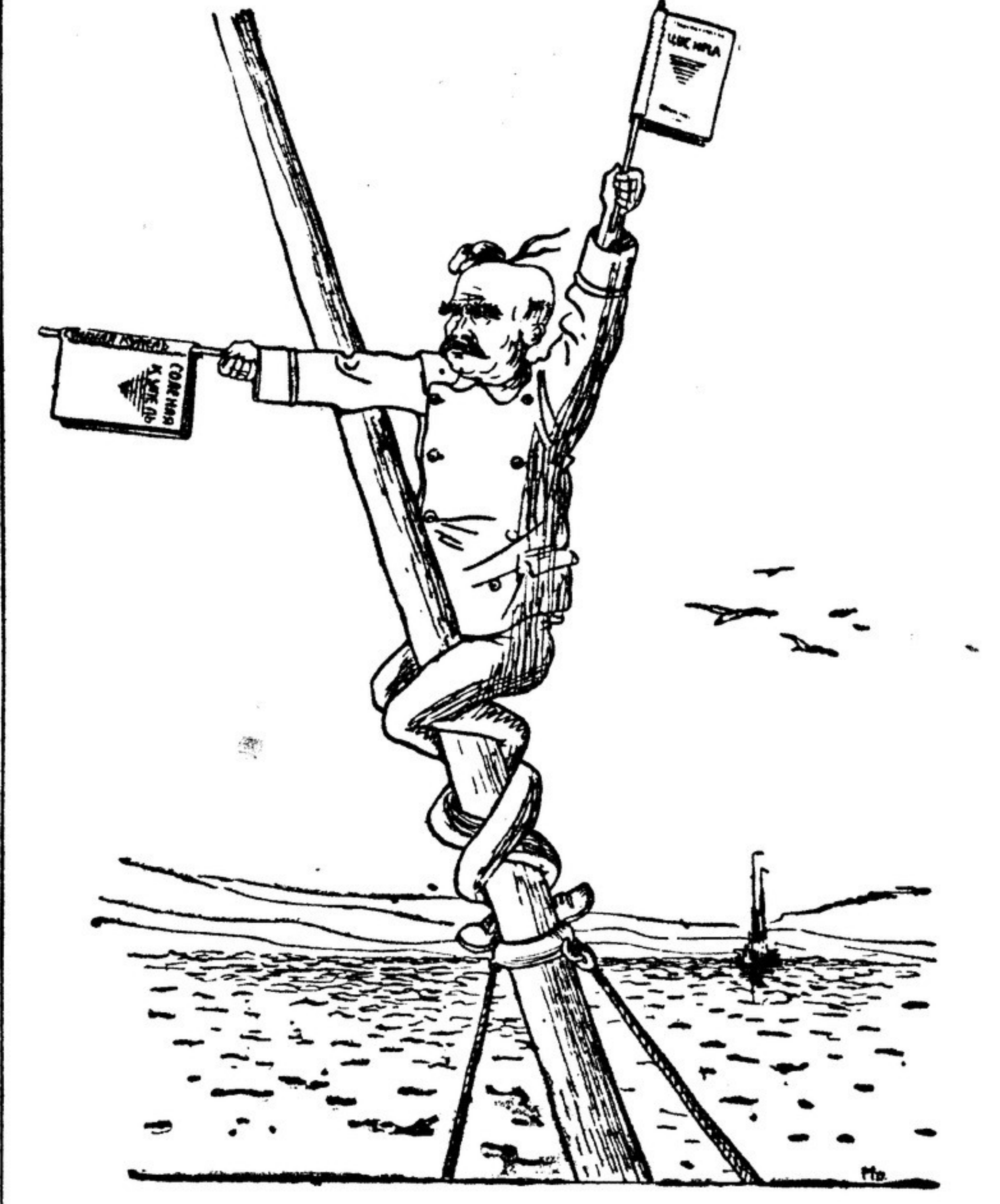
Работа во славу родины

Дорогой Алексей Сильч!
В день вашего славного шестидесятилетия, мы, писатели Ленинграда, шлем вам свой сердечный привет.
Ваша жизнь, насыщенная борьбой, ваше творчество, пронизанное уверенностью в победе рабочего класса, ваши произведения, в которых романтика морских просторов переплетается с романтикой революционной борьбы, прекрасный реализм вашей «Шустимы», наконец, — все это складывается в сознании читателей наших читателей образ большого писателя нашей родины — Алексея Сильча Новикова-Прибои.
Вы сумели рассказать нашему народу о страшных преступлениях царизма, воссоздать перед ним исторически и художественно правдивую картину недавнего, но уже такого далекого прошлого. Ваша «Шустима» — эта трагическая эпопея о кровавых сумерках самодержавия, — стала произведением по-настоящему народным. Огромно и ее оборонное значение. Люди нашей обновленной социалистической родины, бойцы Красного флота и Красной армии, наши славные

пограничники, сталкопцы, трактористы колхозных полей, читают вашу книгу с твердым убеждением: теперь никто не позволит врагу беззаказавно вступать на нашу землю, планета наша на крепком эащке, враг будет бит!
Мы ждем от вас, дорогой Алексей Сильч, новых поветей и рассказов, в которых вы покажите бы героями и романтику советских военно-морских походов, людей Краснознаменной Балтики, славных бойцов Черноморского флота, героев дальневосточников.
В день вашего шестидесятилетия мы шлем вам пожелание долгой, плодотворной работы во славу нашей родины, ее военно-морских сил и ее литературы.

Приветы из Украины и Белоруссии

Дорогой Алексей Сильч!
Писатели советской Украины горячо приветствуют вас с шестидесятилетним юбилеем. Украинский читатель знает и любит ваши произведения, с нетерпением ждет новых.
Желаем счастья, плодотворной работы на благо трудящихся нашей великой социалистической родины.
ПРАВЛЕНИЕ ССП УКРАИНЫ
*
Дорогой Алексей Сильч!
Советские писатели Белоруссии и десятки тысяч ваших читателей, любящих вас, зачитывающих вашей «Шустимой», шлют вам горячие приветы ко дню вашего 60-летия.
Еще в глуже голы царской реакции вы, Алексей Сильч, подняли свой суровый, мужественный голос в защиту народа. Ваш роман «Шустима» стал подлинно общенародной книгой. Желаем вам долгих лет творческой работы на благо нашей великой социалистической родины.
ПРАВЛЕНИЕ ССП БЕЛОРУССИИ

Дружеский шажок Е. Ман. НОВИКОВУ-ПРИБОЮ. В свой юбилей ты будешь тронут, Тебе речей наговорят! И я отметить ныне рад: Таланты в воде не тонут И в Литвахе не горят. А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон выехали на родину

23 марта, на перроне Октябрьского вокзала собралась большая толпа. Звенят песни, раздаются прощальные приветственные возгласы. Москва провожает дорогих своих гостей — пламенных борцов против фашизма, испанских революционных писателей Рафаэля Альберти и Марию Тересу Леон.
Среди провожающих представители ССП СССР гг. В. Ставский, Вс. Вишневский, М. Я. Аллетин, итальянский революционный писатель Д. Джержавецко, французский драматург т. Мидвана, написавший пьесу «Альказар» об испанских событиях, народный артист республики А. Я. Тавров, которому Рафаэль Альберти обещал прислать свою пьесу для постановки в Камерном театре, делегация московских пионеров, журналисты и др.
Растраченные испанские писатели горячо благодарят присутствующих за дружеский прием, оказанный им в Москве.

Прощаясь, взволнованная Мария Тереса Леон говорит:
— Отсюда всегда грустно уезжать. Но в этот раз нам особенно тяжело покидать вас, тяжело, как никогда.
За несколько минут до отхода поезда испанские писатели-революционеры приветствуют своих московских друзей боевой песней мужественных защитников Мадрида. Московские пионеры в ответ поют пионерскую песню.
*
Утром 24 марта Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон прибыли в Ленинград, где были тепло встречены представителями ВОКС, ЛенССП и ленинградской общественности. Дням писатели посетили Эрмитаж, Дворец пионеров, ознакомились с достопримечательностями Ленинграда и встретились с группой советских прозаиков и поэтов.

Приветствия

В день юбилея на имя А. С. Новикова-Прибои поступили приветствия от командующего Балтфлотом тов. Савцова, от полководца Балтийского флота, от академика Крюкова, от Ф. Крылова (ЭПРОН), от В. Киринова, В. Кирилова, Леониды Леонова и многих других.

В день юбилея на имя А. С. Новикова-Прибои поступили приветствия от командующего Балтфлотом тов. Савцова, от полководца Балтийского флота, от академика Крюкова, от Ф. Крылова (ЭПРОН), от В. Киринова, В. Кирилова, Леониды Леонова и многих других.

Общее собрание ленинградских писателей

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Доклады Н. Тихонова и Н. Свирина. — Ленинградский союз работал плохо. — Уничтожить последствия вредительской работы врагов народа. — Боевые задачи ленинградских писателей. — Книжки и пьесы к 20-летию Октября.

Таких собраний в ленинградском союзе писателей еще не было. Впервые за три года своего существования писатели встретились со своими избранными. Впервые на этом собрании ознакомились с деятельностью писательского союза. Впервые ознакомились с деятельностью писательского союза. Впервые ознакомились с деятельностью писательского союза.

Слово для доклада предоставлял председатель Ленсоюза Н. Тихонов. — В нашей стране, — говорит он, — с утверждением сталинской Конституции происходят громадные перемены, способствующие развитию и укреплению могущественной советской демократии. Историческое значение этих перемен, внесенных сталинской Конституцией, оценен хорошо сформулировал тов. А. А. Жданов на февральском пленуме ЦК ВКП(б). Новые способы работы, которые вводит страна, помогут перестроить даже отсталую организацию, даже такую, как наш союз писателей.

Что привнесло к нашему союзу работы Ленсоюза, к отрыву организации от лучших творческих сил писателей? Причины: кризиснейшие недостатки в работе ленинградских писателей. Н. Тихонов видит в этих недостатках демократические принципы, в отрыве руководства от писательских масс, в неясности задач.

Вместо профессионального объединения писателей, которое должно было бы понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью направление деятельности и творчество, его цели и задачи, в нашем союзе не было четкой программы, не было единых целей, не было единых задач, не было единых принципов.

Работа правления началась запутанно именно из-за этого отсутствия руководства от широкой писательской массы. Мы не определили задачи, которые должны были стоять перед нами. Мы не определили задачи, которые должны были стоять перед нами.

Однако, — продолжает тов. Тихонов, — когда из союза стали выбывали люди, разобщались как аккадские враги народа, мы механически вычеркивали их из своих списков, не делая политических выводов. Когда я вернулся, после восьмимесячного отсутствия, в Ленинград, я узнал, что в союзе никак не решались ни организационные вопросы, ни организационные вопросы, ни организационные вопросы.

Мне объяснили, что союз опоздал с этим делом, и ему не к кому присоединиться, чтобы обсудить эти вопросы. Но возвращение со союза и прежде всего хотел сделать доклад об организационных вопросах, о принципах организации писательского союза.

Мы видели, что так продолжаться больше не может и однажды заговорили об этом на правлении. Но ответственные секретари попрежнему отмахивались, попрежнему молчали «Литературный Ленинград». И только «Литературная газета» подняла вопрос о неблагополучии в ленинградском союзе, после чего начали говорить вслух о всех болезнях нашей литературной организации.

Большинство ленинградских писателей жило и работало вне союза, без его помощи и участия. Как ни странно, но поэты, о бездельничестве которых больше всего говорили в союзе, отдавали ряд чрезвычайно интересных и даже блестящих работ, как, например, армянская автобиография, которую А. М. Горький считал образцом для всех будущих автобиографий. Идти возмущать работу вне пероносимых украинских поэтов, как-то Александровских.

Н. Тихонов указывает, что эти имена писателей не упоминались в союзе. Новинками к писательской работе были не только незнакомые, но и знакомые писатели, которые приобретают сейчас огромную важность.

В защите мировой культуры, мировой цивилизации советским писателям принадлежит далеко не последнее место. Разве не является выступление Ал. Толстого в Лондоне подлинной писательской работой, участником писателя в политической жизни?

Н. Тихонов говорит и о работе о молодых писателях, которая и в союзе и в издательствах ведется неудовлетворительно, и о задачах, стоящих перед литературой накануне 20-летия Великой Пролетарской революции. Подготовка к 20-летию Октября должна быть всесторонне общественной.

В заключительной части доклада Н. Тихонов указывает, что он солидаризируется с оценкой положения в ленинградском союзе, данным «Литературной газетой». «Литературная газета» указывает, что уроки ленинградского союза должны быть учтены всеми организациями ОСП. Жесткие слова «Литературной» справедливы. Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу, и мы делаем это при условии самого широкого демократизма, беспощадной, открытой и принципиальной критики. Надо помнить, что страна должна получить хорошие книги, иначе всем нам будет великий стыд, от которого не укроются никакими революциями и декларациями.

Доклад о подготовке к 20-летию Октября т. Н. Свирина начинается с характеристики обстановки, которая сложилась в ленинградском союзе и которая не способствовала творческой подготовке писателей к величайшему празднику пролетариата. Говоря о подлинной работе пролетарских писателей на литературном фронте, Н. Свирина указывает на деятельность врагов народа в нашей критике. Он напоминает враждебные теории Мустафина, ориентированной советских поэтов на уродливую поэзию конца XIX — начала XX вв. Эта враждебная теория еще не разработана до конца, и это делает понятным, почему она Пушкина абсолютно отсутствовала во всех наших поэтических сборниках, вплоть до последнего времени, потому что ленинградские критики ни один не назвали, что сказать о великом русском поэте в юбилейные дни. Слова неверной ориентации в вопросах классического наследия чувствуются в ряде критических статей. Душок эстетства сказывается в барокко-прелепительном отзыве критика Н. Козакова о фильме «Мы из Кроунштадта» и в теории Л. Левина о так называемых «произведениях», построенных на материале, — гнилой теории, при помощи которой можно легко опорочить многие ценные произведения советской литературы.

Н. Свирина приводит примеры враждебных альянсов и контрреволюционных проявлений в ленинградском союзе. Б. Корнилов, например, не так давно перешел в руки стихотворения «Елка», в котором олицетворял судьбу чуждых, враждебных элементов.

Такие методы руководства не могли содействовать самокритике. — Сейчас, — говорит т. Гитович, — на нашем собрании мы слышали призыв Н. Тихонова к полной и открытой критике. Вот мне бы хотелось, чтобы Тихонов с полной открытостью высказался по ряду важнейших творческих вопросов.

Мы знаем, что среди молодых поэтов есть люди, которые до сих пор «молятся на Пастернака», и в этом повинны разобщенные ныне враги народа, канонизирующая поэзию Пастернака. Разве не следовало бы Н. Тихонову, самому крупнейшему для нас авторитету и для меня и для поэтической молодежи, высказать свое отношение к Пастернаку? Но ни Тихонов, ни Прокофьев, ни Сайнов, ни Браун до сих пор ничего не сказали о том, что они думают о Пастернаке, о его линии в поэзии. А на дискуссии о формализме Прокофьев предпочел критиковать старого пролетарского поэта И. Салюфова.

У нас не было и открытых разговоров о книге Тихонова «Тень друга». Я считаю, что эта книга требует самого серьезного внимания, она выделяется на общем фоне нашей поэзии.

От собственного корреспондента «Лит. Газеты»

Плохо обстоит дело с показом современной Красной армии, вооруженной высшего артиллерия в будущей войне, но темой о наших славных подвигах заинтересовалось немало ленинградских литераторов.

Темами наших дней являются новые книги Ю. Германа, М. Чумачурова, М. Золенко, М. Иллариона, О. Фориш, А. Решетова, П. Кизицы, А. Черненко и др. писателей.

Поэтому, — говорит Н. Свирина, — скажи о предрешенном увеличении ленинградских исторической темой произведениях, хотя в этой области Ленинград создаст также выдающиеся произведения, как роман Ю. Тынянова «Путешник» (перевод произведения), написанный Н. Свириным, представляющий собой очень неплохой вклад.

Трудно еще сделать общие выводы, — считает тов. Свирина, — но все же надо сказать, что во ленинградских писателях сейчас задушевнее над общественными темами, а во многих произведениях чувствуется ясная близость к жизни. Многие книги и пьесы не обеспечены издательскими поставочными договорами, и поэтому большинство авторов замышляет и ожиданием работ.

В этом большая степень вины лежит на правлении союза. Нам надо решительно перестроить свою работу, целиком направить ее на подготовку к 20-летию Октября.

Вредительская работа врагов шла во многих направлениях. Она заключалась в попытках отрыва беспартийных писателей от писателей-коммунистов. Вред еще совсем недавно прилагавшийся к клубу писателей в качестве директора и ныне разоблаченный как прямой враг, некий Святослав, открыто агитировал среди беспартийных, наименее устоявшихся товарищей: «пальцы от коммунистов».

Горелов и его приемы, засевавшие в критике и редакциях, добились перестройки писателей, в том числе и молодых писателей. Второе направление вредительской работы было в отрыве молодых писателей от стариков и в неправильной ориентировке творческого роста молодежи. Нам ясно, откуда злет заявление бывшего члена центральной литгруппы Далева о том, что он пишет не для широкого советского читателя, а для узкого круга интеллигенции. Третья линия — это игнорирование демократических основ нашей работы. Это были сознательная вредительская работа, направленная на подрыв доверия писателей к своей писательской организации. Четвертая линия сводилась к тому, чтобы заглушить все попытки самокритики.

Революция и справедливой критике работы союза посвящают свои выступления А. Розен и Д. Шелов, Т. Трифонова и К. Золотовский в основном критикуют работу детской секции союза писателей. Сообщение о работе Ленгослитиздата к 20-летию Октября делает директор издательства М. Орлов. Считаю, что «Государственное издательство художественной литературы является производственным (?) отделом советских писателей» (7). Тов. Орлов заявляет, что в работе издательства отразились недостатки, вскрытые в литературной организации. Однако, далее тов. Орлов признает, что издательство должно было не только ожидать готовых книг, но и само выступить организатором обязательных изданий. Это издательство не сделало. В договорном портфеле есть ряд интересных книг, но выйдут ли они к юбилейным дням — уверенности в этом у собрания не создавалось.

В существности, М. Орлов сам считает наиболее реальными книгу А. Толстого «Хлеб», книгу В. Сайнова «Мы под Петроградом», очерк о Дальнем Востоке М. Шкапской, повесть О. Фориш «12-я статья Конституции», книгу Колбасьева «Дружба», сборник Ю. Германа и несколько «юбилейных переизданий».

Критикуя работу Ленгослитиздата, Б. Лавренко говорит о самопокоительности издательства, не сумевшего к 20-летию Октября. Совершенно нежелательно, чтобы в этот период издательство не могло представить ни одного интересного произведения.

Кругозор поэта Тихонова очень велик. Тихонов видит в будущем события, грядущие под фашизмом, приближающиеся последние сутки. Тихонов понимает ответственность писателя перед своим читателем, и в этом отношении он должен служить примером для всех нас. И все же последние строки стихов Тихонова не могут меня удовлетворять.

Против этой книги обращается прежде всего прекрасная статья самого Тихонова, написанные в Пушкинские дни. Статья, где он говорит о поэзии Пушкина, о народности и тонкости поэзии.

На нашем собрании, — говорит т. Гитович, — надо поставить вопрос и о тех людях, общественно-политическое положение которых вызывает у нас такую тревогу. Вел с исключением Б. Корнилова из союза получивший один успех.

Человека исключают из безобразия, порочащие советского писателя и советского гражданина, но исключают на один год и оговаривают это постановление особым пунктом: журналы «Звезда» и «Литературный фронт» должны работать с Корниловым. Но вот здесь, на этом собрании сидят люди не опорооченные молодые поэты и писатели и мечтают лишь о том, чтобы с ними поработали. Но журналы, исполняя постановление президиума союза, один за другим начинают печатать стихи Корнилова, стихи поодиножеству и в газетных.

Как можно оценить политическую обстановку, создающуюся в союзе? — спрашивает М. Чумачуров. — Надо признать, что фактическое руководство союзом оказалось в руках враждебных элементов.

Вредительская работа врагов шла во многих направлениях. Она заключалась в попытках отрыва беспартийных писателей от писателей-коммунистов. Вред еще совсем недавно прилагавшийся к клубу писателей в качестве директора и ныне разоблаченный как прямой враг, некий Святослав, открыто агитировал среди беспартийных, наименее устоявшихся товарищей: «пальцы от коммунистов».

Горелов и его приемы, засевавшие в критике и редакциях, добились перестройки писателей, в том числе и молодых писателей. Второе направление вредительской работы было в отрыве молодых писателей от стариков и в неправильной ориентировке творческого роста молодежи. Нам ясно, откуда злет заявление бывшего члена центральной литгруппы Далева о том, что он пишет не для широкого советского читателя, а для узкого круга интеллигенции. Третья линия — это игнорирование демократических основ нашей работы. Это были сознательная вредительская работа, направленная на подрыв доверия писателей к своей писательской организации. Четвертая линия сводилась к тому, чтобы заглушить все попытки самокритики.

Революция и справедливой критике работы союза посвящают свои выступления А. Розен и Д. Шелов, Т. Трифонова и К. Золотовский в основном критикуют работу детской секции союза писателей. Сообщение о работе Ленгослитиздата к 20-летию Октября делает директор издательства М. Орлов. Считаю, что «Государственное издательство художественной литературы является производственным (?) отделом советских писателей» (7). Тов. Орлов заявляет, что в работе издательства отразились недостатки, вскрытые в литературной организации. Однако, далее тов. Орлов признает, что издательство должно было не только ожидать готовых книг, но и само выступить организатором обязательных изданий. Это издательство не сделало. В договорном портфеле есть ряд интересных книг, но выйдут ли они к юбилейным дням — уверенности в этом у собрания не создавалось.

В существности, М. Орлов сам считает наиболее реальными книгу А. Толстого «Хлеб», книгу В. Сайнова «Мы под Петроградом», очерк о Дальнем Востоке М. Шкапской, повесть О. Фориш «12-я статья Конституции», книгу Колбасьева «Дружба», сборник Ю. Германа и несколько «юбилейных переизданий».

Другой пример — это история с книгой дальневосточных рассказов писателя Тобоялова. Эти рассказы печатались и в «Знамени» и в «Литературном современнике», в Гослитиздате отверг книгу писателя в том основании, что она... не жмет этого писателя, у этого писателя нет истории книг. Другое издательство — «Советский писатель» — отказалось рассмотреть книгу В. Тобоялова потому, что... отверг Гослитиздат! Несколько раз М. Козаков ставил вопрос об этом безобразном случае на правлении, но руководство союза осталось равнодушным.

Нам надо говорить, — считает В. Каверин, — не только о том, что литературная жизнь шла мимо правления, но и о самой литературной жизни. Я не разделяю той точки зрения, что у нас всякая литература. Это неверно! Наша литература одна из лучших в мире, и все же мы делаем меньше того, что надо было сделать и что мы можем сделать. В Каверин ставит интересный вопрос об изменении темы, о том, что многие книги, написанные несколько лет назад и казавшиеся в свое время большим событием, теперь мертвы: в них есть бумага, бугры, но нет волевого читателя произведения.

Нам надо думать о том, как запечатлеть в наших книгах величайшую эпоху, современниками которой мы являемся. Этого требует от нас читатель, но часто, ваявшие раньше или позже о своем литературном положении, мы о читателе забываем, как забываем о больших задачах, стоящих перед литературой. Часто 50 процентов нашего времени уходит на обиды, а другие 50 процентов — на размышления об этих обидях.

На собрании выступили также Л. Франкфурт (обл. редакция «История народов»), Александр (выб. библиотечной м. Пушкина), П. Лукьянский и Д. Высокский, очень хорошо говорящие о недопонимании в союзе такой важной и значительной работы, как работа переводчика.

Третий день собрания начался с выступления представителя издательства «Советский писатель» Я. Горелова, признающего, что и в этом издательстве положение с книгами в 20-летие Октября обстоит не лучше, чем в Ленгослитиздате.

Мы плохо знаем людей, — говорит т. Горелов, — все наше внимание сосредоточено на той же «общей» писателем, о новых авторах узнаем мы случайно. В договорном портфеле ленинградского издательства названы 16 новых книг, в редакции — 12 книг. Но не все книги реальные, и трудно ожидать, что к 20-летию Октября выйдут больше, чем 10 книг, в том числе ряд сборников.

Тяжелым обвинением союзу писателей прозвучала содержательная речь старого астонского писателя Пегельмана. Рассказав об огромном политическом значении творчества революционных писателей национальных меньшинств — финнов, эстонцев, латышей, работающих в Ленинграде, он говорит о преступном равнодушии, которое встречали работы этих писателей в союзе. Большинство латышских писателей-коммунистов, например, вообще не были приняты в союз.

В преемстве было отказано и г. Петельникову и в конце концов этого 62-летнего человека с 34-летним стажем революционного литератора и 32-летним партийным стажем приняли в кандидаты союза (!). О «стене равнодушия» говорил и финский писатель Алто. Об этом же изверженном равнодушии должен был издать и старый рабочий поэт, мажорит алектостанский тов. Тихомир.

Речь тов. Добина в основном была посвящена этическому перечислению грубых политических ошибок, совершенных в руководимой им газете «Литературный Ленинград». Об этих ошибках не раз писал «Правда», «Ленинградская правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Имена», о них много говорили на собраниях. Неудовлетворительной должен был признан т. Добина и работу руководимой им секции критиков-литературологов.

Между тем, как сказал в своей речи В. Эйхенбаум, не только вопросы критики, но и вопросы литературоведения должны были стать большим вопросом в работе союза.

Литературные традиции XVIII—XIX вв., — говорит Б. Эйхенбаум, — являются для нас не академическим вопросом, не темой для академического исследования, но вопросом живого литературного творчества. Недаром мы говорим, что Пушкин — наш современник. Внимание союза к литературоведению особенно важно потому, что в этой области от нашей комментаторской работы мы перешли в новую стадию литературоведения, более ответственную и интересную.

Примером такой новой работы может служить «Библиотека поэта» — та «малая серия» библиотек, которая так быстро выходит и еще быстрее раскупается читателями и по поводу которой издательство получает огромное количество писем. По этой библиотеке широкие массы новых советских читателей изучают историю русской поэзии. Все эта ответственная работа над «Библиотекой поэта» производится аккуратно, со всей тщательностью и выдержкой.

Правильно критика неантисоветских элементов союза творческой работой своих членов. Б. Эйхенбаум допускает, однако, глубокое ошибочное утверждение, смысл которого сводится к тому, что острая политическая близость несовместима с деловой творческой работой союза. Это вредное утверждение Эйхенбаума было основательно раскрыто на собрании.

Выступил С. Бабуров еще раз показав неадекватную атмосферу, которая царит в секции детских писателей. Правление союза ничего не делало, чтобы оздоровить участок детской литературы, в которой часто принципиальные творческие споры заменяются вредной склокой и групповщиной.

Искренне два года, — заявил в своей речи А. Прокофьев, и ряд ленинградских поэтов прошли под знаком осеннего лиризма. Однако, это «осеннее» оказалось очень однобоким, и мы товарищи взяли под свою опеку главным образом любовную лирику и стали жаловаться в верные своим настоящим и вымышленным возлюбленным. Мы «самоинтересничались», и за нашего поля зрения, из нашей практики, к несчастью для нас, почти вышло такое важное дело, как боевая политическая лирика. Злысь нам вечно хвастаться, но я должен заявить, что нас не удовлетворяет и то, что сделали в этом плане некоторыми моими соратниками. Очень много стихов, появившихся в газете, — считает А. Прокофьев, — написано наспех.

Далее А. Прокофьев выражает свое недовольство с критикой книги Тихонова «Тень друга», промучившейся у этой трибуны, однако, эту часть своей речи не аргументировал. А. Прокофьев заостряет вопрос о ранней профессионализации поэтов, приводящей к отрыву от работы и творчества и к бегству от поэмы и поэмы.

Вопрос о Пастернаке и Сельвинском, — сказал Н. Заболоцкий, — выдвинутый на последнем пленуме правления ОСП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, несовременным, как прощание и разрыв с традицией и с традицией.

С интересом выслушало собрание Н. Заболоцкий.

Вопрос о Пастернаке и Сельвинском, — сказал Н. Заболоцкий, — выдвинутый на последнем пленуме правления ОСП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, несовременным, как прощание и разрыв с традицией и с традицией.

С интересом выслушало собрание Н. Заболоцкий.

Третий день собрания закончился успехом социализма в нашей стране приводит в ярость наших врагов. Они пускаются на крайние меры борьбы, и дорожно уплатили бы враг, чтобы оторвать от партии наших советских писателей.

В. Ставский рассказывает о том, как вредительствовал враг не только в Ленинграде, но и в других литературных центрах.

Это требует от нас усиления близости к литературному фронту, и поэтому глубоко огорчается В. Эйхенбаум, когда в своем выступлении совершенно неправильно ставит вопрос о близости к фронту в союзе писателей. Нет, близость нужна на каждой минуте жизни, в быту, хотя у рабочих общественной, у партии нет никаких сомнений, что подавляющее большинство наших литераторов — люди советские, доказавшие преданность нашей партии. Среди разобщенных врагов нет ни одной крупной писательской фигуры, оплош и рядом это окололитературные, затесавшиеся в литературу личности.

Борьба за большее количество и высокое качество книг, — говорит В. Ставский, — наша основная задача. И тут я должен указать т. Тихонову и т. Свирину, что переделка книги — это не товарищеский, это враждебный акт. Нельзя было, например, переделывать книгу, которую переделывали товарищи, и переделывали, по которым должна равняться наша литература.

Я не сторонник общих разговоров об отставании литературы. У нас есть произведения, которыми гордится наша страна, которые стали подлинно народными произведениями, а автору некоторых из них получили орден. Разве эти орден писатели получили за отставание? Но надо говорить не только о ведущих книжках, но и о выходящих особо выдающихся, но вторые признаны и оценены читателем. В. Ставский считает неверным, когда П. Мессер оглушно оспаривает вопрос о так называемой «сравнительной литературе», считая этот вопрос «социально-экономическим».

Надо оценивать среднюю литературу от самой, недооцененной книги. У нас много книг, которые не имеют возможности ее читателя. И читатель не должен в «Литературном современнике» главы из книги Н. Брыкина о наступлении Оленина. Прекрасный материал, замечательная тема. Первая часть меня захватила, но потом все сошло на нет, писатель стал обращаться с материалом небрежно. Я говорил с тов. Брыкиным, он согласился со мной: «недороботал». Зачем же печатать недороботанную вещь, чем виноват читатель?

К сожалению, — говорит тов. Ставский, — часто мы находимся в плену старых представлений о том, что такое писатель и не умеем разоблачать в новых произведениях. Мы плохо знаем современную литературу. Мы плохо знаем современную литературу. Мы плохо знаем современную литературу.

Нашей работе мешает то, что некоторые из нас организационную работу считают работой врагов. Если бы была ответственность в работе союзе всех членов литорганизации, если бы у нас была развернута критика и самокритика, если бы в нашем союзе не парализовалась советская демократия, многие явления, вскрытые сейчас в Ленинграде, в Киеве, в Армении, да и в Москве, были бы вскрыты раньше. Боевые явления будут у нас живы до тех пор, пока мы будем с ними мириться.

Нам нужна сплоченная организация, помогающая выстоять огромные задачи, стоящие перед писателями. В. Ставский рассказывает о ярких фактах советской жизни, о десятиках боевых интересных тем, являющихся советской поэзией. Он говорит о значительной литературе. Он призывает быть вдумчивыми хозяевами советской литературы.

Надо помнить с безбашенностью! — говорит т. Ставский. — Народ у нас умный, народ у нас умный. Я признаю вас к общности, к разрыву на основе развернутой советской демократии всех боевых задач, которые стоят перед нами, советскими писателями.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Н. Заболоцкий о Б. Пастернаке. — Речь т. Цильштейна. — Вс. Вишневский о задачах союза писателей. — Заключительное слово.

Наше собрание, — говорит тов. Соколов, — создает атмосферу для настоящей работы. Мы как бы очутились в Ленинге и равнодушного творческой работой союза. Это вредное утверждение Эйхенбаума было основательно раскрыто на собрании.

Вопрос о Пастернаке и Сельвинском, — сказал Н. Заболоцкий, — выдвинутый на последнем пленуме правления ОСП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, несовременным, как прощание и разрыв с традицией и с традицией.

С интересом выслушало собрание Н. Заболоцкий.

Критика Пастернака означает социальную ответственность Уткиным, Ларювым, Алтушаровым, которые нас мало удовлетворяли в смысле художественной ценности их произведений. И тем, что мы не выносили этих вопросов на широкое обсуждение, мы совершили грубую ошибку. Коробль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака. Коробль советской поэзии взял курс на искусство народное, на высококачественное искусство, близкое и понятное массам. «Номинатное» искусство остается в стороне.

С. Марич охватил любопытную статистику, характеризующую работу союза и издательства к 20-летию Октября. Союз запрашивал о работе Марича к 20-летию Октября, восемь раз, Ленгослитиздат запрашивал о том же четыре раза, «Советский писатель» — всего только один раз. Но независимо от количества вопросов, результаты остались одни и те же. В какой мере использованы ответы писателей — остается тайной гадальщицы и союза. Но в то же время, — говорит С. Марич, — планы издательства совершенно справедливо не удовлетворили собрание. В плане правления ОСП и затронутый в ряде речей на нашем собрании, отнюдь не новый вопрос. О нем не раз говорили в кулуарах, и только в поэтической секции молчали о нем. Открытая критика Пастернака считалась делом некультурным, несовременным, как прощание и разрыв с традицией и с традицией.

С интересом выслушало собрание Н. Заболоцкий.

С интересом выслушало собрание Н. Заболоцкий.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Окончание. Начало см. на 2 стр.

С большой речью выступил секретарь Ленсовза тов. И. Цильштейн. Он говорит о том, что обстановка, в которой происходит собрание, совершенно необычна для ленинградской литературной организации. Впервые в стенах собрания звучит критика и самокритика, направлена на работу больших и малых писателей, творческих работников союза. Но все же некоторые вопросы в прениях обходятся. Мало говорится об участии детской литературы, на котором большую работу проводят Маршак, Ильин, Шварц и другие, мало говорится о переводчиках, о национальной литературе, недостаточно обсуждены и насущные вопросы нашей драматургии. Не может претендовать, — указывает тов. Цильштейн, — на полноту и доклад тов. Свирина о подготовке ленинградских писателей к 20-летию Октября. В сущности, этот основной вопрос до сегодняшнего дня остается как бы в тени. Нельзя не согласиться с товарищами, утверждающими, что правление не знало и не знает многих тем, над которыми работают ленинградские литераторы.

И. Цильштейн затронул вопрос о качестве творческой работы писателей, отмечая, что кое-кто пытается замаскировать этот вопрос ссылкой на то, что его серия, сырая книжка была выработана в прошлом, когда в союзе и в издательствах орудовали враги. Останавливаясь на вредительской работе шпики троцкистов, затесавшихся в литературную организацию, И. Цильштейн зачитывает очерк, напечатанный в журнале «Резец», где автор клеветает на героическую революционную Испанию. В этом же журнале Горелов и Мазель печатали и стихи, клеветавшие на героев республиканской Испании и другие враждебные произведения.

Касаясь перестройки работы союза, И. Цильштейн говорит о внедрении во все звенья литорганизации духа советского демократизма. Надо добиться подлинного коллективного руководства, его долгое время утратил Горелов.

Вредительская работа Горелова была бы вскрыта раньше, если бы члены правления более активно работали в союзе. Надо решительно отказаться от назначения, широко развитого в литорганизации, И. Цильштейн подробно говорит о работе о молодых кадрах.

Эта работа, по уставу союза, является одной из важнейших задач писателей. Между тем ленинградский союз выносил ее на рух вошло.

В последний день собрания выступили: В. Звондичин, Е. Полонский, Г. Матвеев, А. Штейн, А. Решетов, С. Семенов, И. Гринберг. Большой похвалы и самокритичности собрание ожидало от выступления И. Коварского, литературно-теоретическая деятельность которого критиковалась многими ораторами.

С большим вниманием собрание выслушало яркую речь тов. Вишнякова. Он напомнил писателям, что собрание происходит в дни, когда начался летний слуховой и тематический, которые развивались 20 лет назад в Ленинграде. Вс. Вишняков говорит о революционной роли города Ленина, о великом историческом прошлом русского народа, о близости сейчас решительной схватки с фашизмом, готовящимся наступать на нас.

Во. Вишняковский говорит об ответственности советского писателя перед партией, перед народом, перед всем прогрессивным человечеством. Он говорит о величии тех задач, которые стоят перед советскими писателями — передовым отрядом мировой литературы.

В заключительном слове тов. Тихонов указывает, что впервые за 33 месяца существования ООП ленинградских писателей говорили о том, что волнует их, о том, какой они хотят видеть свою литературную организацию. На этом, продолжавшемся 4 дня, собрании впервые в наш союз ворвалось дыхание жизни, мы услышали голос писательской массы. И каждому из нас было стыдно и мучительно, что мы так равнодушно относились к судьбам своего союза.

Вновь останавливаясь на ошибках в работе союза, Н. Тихонов подчеркивает, что уроки собрания не пройдут даром для жизни ленинградской литературной организации.

За четыре дня в прениях выступило около 50 человек (записалось свыше 100). Собрание приняло резолюцию, отмечавшую основные недостатки в работе союза и предлагавшую правлению направить свою деятельность на усиление подготовки к 20-летию Великой Пролетарской революции. Решено в течение ближайших трех месяцев произвести новые выборы правления, а также выборы бюро во всех творческих секциях.

Собрание приняло приветствие дружескому союзу советской литературы — тов. Сталину и руководителю ленинградских большевиков тов. Жданову.

Приветственная телеграмма послана находящемуся в Испании оцепенело корреспонденту «Правды» Мих. Кольцову.

Обсуждаем вопросы перестройки ССП

Н. ВИРТА

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Нужен или не нужен союз писателей? Конечно, союз нужен, нам нужно настоящее, большое, серьезное содружество писателей, такое содружество, которое для себя лично и нашего в редакции журнала «Знамя».

Но каковы он должен быть? Не такими, какой он сегодня, не с такими методами работы. Я — молодой член союза писателей, молодой писатель. Год тому назад в халдеперици союза мне дали прочитать постановление секретариата о приеме меня в союз, затем я получил приемы в клуб, и торжественное посвящение в содружество писателей, нового члена закончилось. Ни кто из «маститых» наших руководителей со мной не беседовал, никто не узнал, кто я, из какого лагеря, какими путями пришел я к коммунизму, какие мысли у меня в голове, какие чувства в сердце, какие томы я взял для себя, что я думаю делать, как, когда... В мрачных кабинетах ООП сидели люди, они что-то строчили, что-то читали, кому-то звонили, собирались в комитировки, заседали, писали резолюции... Ожидале парад в кабинете Д. Ляшневича, — этот неутомимый человек с утра до вечера подписывал чеки и старался как можно меньше трогать денег, ибо он отлично понимал, что половина этих денег уходит зря, он доставал квартиры, ремонтировал кабинеты секретарей и т. д. У него жилось кипело. Так, вспоминается, было год назад.

Так это есть и сейчас. Что сделал союз за этот год? Какие писатели открыли он? Какие плоды дали поездки инструкторов, консультантов и референтов? Какие вопросы обсуждали секции и какие из них работали, а какие умерли? Какие вопросы решил секретариат, президиум? Почему так много в нашем союзе заседаний при закрытых дверях? Почему, на самом деле, руководящее звено так много занимается Пильником и его соратниками, которые предоставляют не то, что он пишет плохие книги и их не читает? Так пусть пишет хорошие!

Но не в этом же поколении свет клином сошелся! Умейте искать и находить писателей! Уважайте их и помогайте им! Умейте привлекать их к себе, завоевывать их сердца, добьетесь их в союз пусть будет радостным, ясным, отчетливым делом! Убедите творческие перероды между нами и «стариками», не надо топтаться по плечу и заявлять в духе известного выступления А. Фадеева на пленуме ССП. Каков бы ни был творец, у тебя должны найтись слова и средства общения с ним, а стало быть, и средства воздействия на него.

Таким образом, первое — это поиски людей, их выявление, их воспитание. Второе. Союз должен категорически освободиться от всех материально-бытовых дел; их надо передать единому правлению Литературного фонда, избранному самими писателями и им подотчетному. Это сразу даст возможность союзу много времени для творческой работы с писателями.

Третье. Необходимо переизбрать правление союза на принципах широкой демократии, потребовать предварительного отчета о прошлой деятельности, отчета каждого секретаря в каждом члене президиума перед писателями. Кстати, необходимо из писательских собраний решить: нужен ли столь громоздкий технический аппарат союза, нельзя ли его свести к минимуму, возложить работу с писателями на самих писателей.

Скажут: мы «привыкли», мы пробыли! Одно дело — когда вы «привыкли», другое дело — когда человек будет избран, обременен доверием масс, уверен в их помощи, в том, что эта его работа не будет означать отказ от литературной, его личной работы.

Кроме того, руководство союза должно избираться на год, не больше.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Всего этого я не знаю. В чем же беда союза и его руководство? Правление ООП больше всего занималось не творческими вопросами, а материально-бытовыми, потому что оно обслуживало, интересовало и опиралось в своей работе не на всю писательскую массу, а на группу людей, среди которых немало потерпевших или почти потерпевших от литературных капризов и инстинктов оставшихся прошлым вальсом (которые, кстати, никто у них отбирать не собирается).

Каково, по моему мнению, должно быть сейчас основное направление в работе союза и его руководства? Прежде всего — поиски новых людей, талантливых, смелых, безразлично преданных социализму (а не подобным Пастернаку, Пильнику и т. д.), умеющих и желающих работать. Ставка на них, на это молодое (не в смысле лет), здоровое литературное поколение, забота об его успехах, его учение, привлечение его к руководству, широкая пропаганда его произведений, сопряженная с серьезной общественной критикой.

Было бы глупо думать в моих словах вывод, будто союзу надо забыть старшее поколение литераторов. Бруда!

Но не в этом же поколении свет клином сошелся! Умейте искать и находить писателей! Уважайте их и помогайте им! Умейте привлекать их к себе, завоевывать их сердца, добьетесь их в союз пусть будет радостным, ясным, отчетливым делом! Убедите творческие перероды между нами и «стариками», не надо топтаться по плечу и заявлять в духе известного выступления А. Фадеева на пленуме ССП. Каков бы ни был творец, у тебя должны найтись слова и средства общения с ним, а стало быть, и средства воздействия на него.

Таким образом, первое — это поиски людей, их выявление, их воспитание. Второе. Союз должен категорически освободиться от всех материально-бы-

товых дел; их надо передать единому правлению Литературного фонда, избранному самими писателями и им подотчетному. Это сразу даст возможность союзу много времени для творческой работы с писателями.

Скажут: мы «привыкли», мы пробыли! Одно дело — когда вы «привыкли», другое дело — когда человек будет избран, обременен доверием масс, уверен в их помощи, в том, что эта его работа не будет означать отказ от литературной, его личной работы.

Кроме того, руководство союза должно избираться на год, не больше.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Четвертое. Надо открыть двери кабинетов, где идет заседания. Какие в союзе писателей могут быть секреты от писателей? Наоборот, надо широчайшим образом оповещать писателей о заседаниях правления, президиума и т. д. И, наконец, пятые — частное предложение: необходимо переизбрать в кратчайший срок правление Дома писателей.

Я нарочно подробно останавливался на организационных недостатках в работе союза. Организация — великое дело. Если мы перестроим весь союз сверху донизу организационно, если в руководящие придут люди, воодушевленные доверием и великой работой, оказанной им, они при нашей общей помощи сумеют перестроить и содержание работы. Как только уйдут в прошлое бюрократизм, ставка на узкую группу писателей и замыкание в ней, делчество, суетня, — появятся новые методы, новое отношение к людям, пойдет вперед все литературное дело.

Больные вопросы

ОТКЛИКИ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Письмо из Минска, напечатанное в «Литературной газете» от 20 марта, и передовая статья этого же номера нашей широкой отклики в среде писателей БССР.

Статья и передовая оживленно обсуждаются.

Народный поэт Белоруссии Якуб Колас заявил нашему корреспонденту: «Не-писатель» в своей статье по поводу положения дел в союзе советских писателей БССР поднимает ряд важных вопросов. Статья своевременна. Еще лучше было бы, если бы она повлекла раньше. Недочеты, которые вполне можно было бы устранить на работе нашего союза. Это относится в первую очередь к его руководству. Фактически на протяжении ряда месяцев оно или отсутствовало или же проявляло себя очень слабо. Подлинной широкой демократии в союзе не было.

Наша писатели до сих пор не сумели преодолеть известного консерватизма, в силу которого они замыкнулись в стенах своих квартир в Минске. Это повело многих из писателей к отрыву от живейшего творческого потока нашей замечательной жизни. Поэтому многие из нас разрабатывают тематику прошлого и не видят в нем человека сегодняшнего дня, он отсутствует в нашей художественной литературе.

Белгия работает очень плохо. Нет в издательстве людей, которые бы понимали и любили книжное дело. В издательстве царят казенщина и формализм, отсутствует элементарное внимание к людям, туда не хочется заходить.

Что же нужно сделать? В первую очередь необходимо по-настоящему укрепить руководство союза и писательства. Вся работа союза писателей должна перестроиться на основе внедрения широкой советской демократии.

Поэт А. Кулешов говорит: «Необходимо поднять вопрос о нашей молодежи. За последние год работа с молодыми писателями велась к нулю. Они не чувствовали со стороны управления ССП ни заботы о себе, ни внимания к своей творческой работе. Никакой заботы о молодых писателях не проявляла и комсомольская организация союза. Это неудивительно. При популяризации руководств ССП и партия комсомольской организацией союза долгое время «руководил» политический проходимец, враг народа Милутич. Этот околорепутационный проходимец всю работу в комсомольской организации сводил на ее страницы бездельничать, «спрятав» себе подальше «Хуцера, Сташевского — и безответственно создавая себе репутацию».

Все это можно иметь место только в условиях полного забвения внутренней демократии. Поэтому я считаю сигнал «Литературной газете» совершенно своевременным и правильным.

Поэты П. Бровка и П. Глебо, находящиеся сейчас в Доме творчества, прислали нам следующие письма: «Литературная газета» о работе ООП Белоруссии и Белгия. Остались слышными месяцы до двадцати годовщины Великой Пролетарской революции, по яни союз, ни издательство по-настоящему не знает, чем они встретят эту историческую дату.

Надо работать, и работать напряженно, нужно добиться, чтобы белорусская советская литература достойно встретила годовщину Великой Октября. Пора серьезно, вплотную заняться творческими вопросами.

Думаю ли правление ССП Белоруссии обдумать поднятые в письмах из Минска вопросы на широком писательском собрании? Пока ничего не сообщается о таком собрании. Собрание писателей, созываемое вместо предположаемого ранее пленума управления, назначено на 25 марта. Белорусские писатели должны положить на нем начало перестройки работы ССП.

С. ДЕЛЬ

«Дама с зонтиком». Мастер неизвестен. Резная игрушка. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галерее в Москве

Новые томы «Истории гражданской войны»

Первый том «Истории гражданской войны», вышедший в прошлом году полутомным тиражом, получил самую высокую оценку широкой советской общественности. Первый том стал настольной книгой командира, воюющего, ученого, писателя. На фабриках и заводах, в красноармейских частях организуются коллективные чтения и изучение первого тома.

Недавно вышло 500-тысячным тиражом удешевленное издание первого тома «Истории гражданской войны» — разошлось мгновенно.

Сейчас закончен и готовится в главную редакцию «Истории гражданской войны» второй том «ИГВ», посвященный Октябрьскому восстанию в Москве, Петрограде и на фронте. Так же, как и первый том, он выйдет полутомным тиражом по удешевленному изданию.

Объем второго тома — 30 печатных листов. Полнотражное и художественное оформление его будет на таком же высоком уровне, как и первого.

Редакция «ИГВ» усиленно работает над подготовкой третьего тома, который будет посвящен Великой Пролетарской революции в нашей стране.

Второй том «Истории гражданской войны» выйдет в 1937 году.

К двадцатилетней годовщине Великой Социалистической революции готовится два сборника документов и переписки. Первый сборник будет составлен из документов Петроградского военно-революционного комитета, второй сборник — из документов Московского военно-революционного комитета.

Оба сборника будут выпущены тиражом по 50 тысяч экземпляров каждого.

История однофамильцев великого поэта, сначала враждебно настроившаяся в отношении Пушкина. Привычной мотой строка на пароксизмическом языке поэта: «Общество нам — Шарское село». Но впоследствии дело, конечно, меняется. Волевым Воробьев и учитель Луковский просят комедиянта. И он превращается в восторженного поклонника поэта, настолько восторженного, что, будучи смертельно ранен в бою с белыми, прощит похоронить его поближе к своему славному однофамильцу. За несколько минут перед смертью он «вдруг приподнялся на локте и медленно, протяжно заговорил, как в бреду»:

И хоть бесчувственному телу Равно повсюду истлевать, Мне все б хотелось почивать И отлежать, как говорится, «богу душу».

Фальшиво, сурово, неестественно! Но, в сожалею! Гор и Лавренье повторяет, — не исключение: такие рассказы — с аналитичным сюжетом, ситуациями и персонажами — наполняют не только толстые и «тонкие» журналы, но и периферийную печать.

Только в двух произведений о Пушкине соблюден известный такт, то чувство меры, которое столь обязательно в отношении великого поэта: в повести для кино «Белая и Эльбурская» («Общество нам — Шарское село») и в рассказе Маршача «Прогресс в крепости». Любопытной экспериментальной работой является и «Шестая повесть Белкина», в которой Зюбенко пытается, как он сам определяет в предисловии, дать «концию с пушкинской прозы». Очень хорош небольшой очерк Ольги Форш «Фиделити». Автор просто рассказывает о том, как чествовали память Пушкина в сиротском дворничском институте, где она в свое время воспитывалась. И эти воспоминания неужели приобретает — обличительную силу подлинно художественного произведения — с такой наглядностью и остротой вырисовала О. Форш в своем небольшом очерке картину туманной, неясности и лицемерия, развращающаяся на институтском «спрадишке».

А у Лавреньева командант Паркосоельского укрепрайона, оказавшийся

Я. КОРОТКИМ

И. А. Мазин (Городец). «Конь». Игрушка. 1933 г. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галерее

Пушкинские номера журналов

С большим опозданием вышли январские номера некоторых журналов, посвященные столетию со дня смерти Пушкина. «Красная новь» и поныне не вышла. Все это говорит о том, что не все редакции достаточно серьезно готовились к пушкинским дням, проводили соответствующую организационную работу. Это отразилось не только на сроках выхода пушкинских номеров, но и на их содержании.

Отметим, что журналы «Знамя», «Новый мир» и «Молодая гвардия» не опоздали расценились: «Молодая гвардия» поместила только три статьи о Пушкине (из них одна является выдержкой из труда Чернышевского о великом поэте), несколько пушкинских стихотворений и анкету на тему «За что мы любим Пушкина»; «Знамя» ограничилась статьями Шляпного и Тарасенкова; несколько больше места занимает пушкинские материалы в «Новом мире», но все они относятся к печатательной правке и не составляют печатательного содержания. Редакция журнала наименьшего содержания шла по линии традиционного приравнивания. Местом того чтобы углубленно поставить ряд серьезных проблем, связанных с творчеством Пушкина, куда был вытеснен тактикой анкет, информационные статьи и сообщения, рецензии и т. п.

Все эти материалы столь же мало воссоздают эпоху Пушкина, как и тот стихотворный «венок», который возложен «Новым миром» на могилу Пушкина. Холодное равнодушие, тушевость слова, вялое отношение метафор, поверхностная мысль — вот основные особенности стихов «Слово мира» (мы не беремса

судить о стихах Джабула, Миншвили, Джагужурова, Влугун, Чичинадзе и др., так как они даны в переводах далеко несовершенных, а иногда и прозаических).

В «Литературном современнике» и «Звезде» заслуживают внимания статьи: Десницкого — «Пушкин и его дни», Мейлаха — «Поэзия поэта», Грушина — «Пушкин и проблемы народности» и т. д. А. Цейлина в большой статье «Записка Пушкина» убедительно опровергает легенду о том, что знаменитый записка поэта о народном воспитании являлся будто бы актом имени Пушкина своим приемным убеждением. В результате подробного анализа записки Цейлина приходит к выводу, что «ни в одном пункте» Пушкин не соглашается с тем, что в его пору осуществлялось. Николай — что «Пушкин написал то, в искренности чего он был уверен, и написал его, сохранив все свое достоинство и независимость воззрения».

Большой интерес представляет в «Литературном современнике» отдел «Пушкинские места», в котором выделяется своей документацией и убедительным изложением статья Якубовича «Михайловское и Троицкое». Переключается с этим отделом своеобразный спенарий Виктора Шаловского «По следам Пушкина». Это спенарий без сюжета, без действия. Шаг за шагом продвигается автор весь пушкинский маршрут, воскрешает перед нами вещи, места, люди, которые в той или иной мере связаны

были с судьбой поэта, нашли то или иное отражение в его творчестве. Но так выражена драматическое вой велика Пушкина, что даже бесцветный рассказ о ней, постав ее не в образы, а через поэлементное чередование «пушкинских мест» и соответствующих надписей или цитат, сообщает оценку внутреннее движение, заставляет читать его как трагическую повесть. Шаловский проявил в этой вещи не только большой опыт кинодраматурга, но и тонкое знание своего материала.

«Литературный современник» поместил также стенограмму беседы в редакции на тему «Пушкин в закулисах». Здесь есть любопытные анкетные замечания Петрова-Водкина, Шеруцкая, Кирича и др., представляющие немалый интерес и для писателей. Нельзя, однако, пройти здесь мимо общественной позиции, занятой на обсуждении Ин. Оксеновым. Доказывая правильность положения о том, что Пушкин один художник не поднимается выше удовлетворительного уровня и иллюстрациях к Пушкину, если он не найдет у гениального поэта свои темы, Оксенов ищет аналогий в художественной литературе. И здесь он находит лучшее предположение образа Пушкина в стихах Маяковского «Юбилейное» и Пастернака «Тема о варьяниях». У Пастернака, считает Оксенов, образ Пушкина «осмыслен по-новому, в современном плане, пушкинская тема здесь стала вместе с тем и пестраховской темой — темой творчества... И Маяковский и Пастернак нашли в образе Пушкина свои, личные (и пр

П. А. Ойунский
Платон Ойунский
— народный поэт
Якутии

К 20-ЛЕТИЮ
ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

23 марта исполнилось 20-летие литературной деятельности якутского народного поэта Платона Алексеевича Ойунского.

П. А. Ойунский родился в семье багача в 1893 г. в 3-м Жокосгонском наслеге Таттинского улуса, Якутского округа. С 9 лет он стал работать на полях багачей.

В 1917 г. Ойунский окончил в Якутске учительскую семинарию. Еще будучи учеником семинарии, он организовал нелегальный кружок учащихся школ повывского типа, а в 1917 г. вступает в большевистский кружок, созданный находившимся в якутской ссылке Ем. Ярославским. С этих дней началась его кипучая революционная деятельность.

Пламенный агитатор, организатор советской власти в Якутии, председатель губревкома и ЯЦИК, аспирант Института национальностей при ССК РСФСР, руководитель Якутского государственного издательства, кандидат лингвистических наук, председатель Якутского комитета нового алфавита, председатель правления ОСИ Якутия, директор Якутского научно-исследовательского института языка и культуры, член ЦИК ЯАССР — вот путь поэта-багачевки П. Ойунского.

Имя Ойунского — первое революционное якутское поэта и основоположника якутской пролетарской литературы — хорошо известно трудящимся Якутии.

Первые революционные призывы песни в Якутии раздали из уст П. Ойунского. Он отчетливо понимал задачи пролетарской революции, он верил в силу пролетариата и бездельно предостерегал, он авал массы в борьбе за Совет, за укрепление диктатуры пролетариата. Нелюбовь его слова дождались до самых глухих уголков необжитой Якутии.

Якутия на протяжении ряда лет являлась ареной ожесточенной гражданской войны. Трудящиеся Якутия в 1921—1923 гг. отстаивали завоевания Великой Октябрьской Социалистической революции от кулацких банд, руководимых якутскими толонами и белогвардейскими офицерами. Сотни революционных, красных партизан и красноармейцев погибли в борьбе за советскую власть в Якутии.

Отсюда П. Ойунского, разоблачающего «окопавшихся Якутию», сыграл немаловажную роль в достижении победы якутского народа над врагами революции. Когда на территории Якутии шли ожесточенные бои с бандами генерала Пеняева, в эти дни председатель ЯЦИК Ойунский выступил со стихами «Господни вера», обещавшими всю Якутию. Осознание лозунга стихов — «На борьбу с Пеняевым!».

Во все годы П. Ойунский выступал как страстный борющийся, певец большевистского строя.

Ему принадлежит перевод «Интернационала» на якутский язык.

На смерть Ильича Ойунский откликнулся двумя прекрасными стихами — «На смерть вождя» и «Клятвы». «Клятвы» является поэтическим переделанием исторической речи Т. Сталина на II Всероссийском съезде советов.

Эти и другие замечательные художественные произведения Ойунского, как «Партизаны», «Москва», «Железная дорога», «Стихи про бога», «Власть Советам», «Китайскому народу», «Песня якутских красноармейцев» и др., служат образцом для всех советских писателей Якутии. Все произведения Ойунского поражают свежестью языка, звучностью и музыкальностью, красотой и ослепительностью образов.

В последние времена П. Ойунский работает в области прозы и драматургии.

Характерной особенностью творчества Ойунского является острая классовая заинтересованность, большевистская идеология и страстность, сочетаемая с высоким художественным мастерством.

В 1937 г. Якутия выпуклоет полное собрание сочинений П. А. Ойунского в 3 томах.

С. ПОТАПОВ

Приветствие
от ССР СССР
народному поэту Якутии
П. А. Ойунскому

Дорогой Платон Алексеевич!

Правление ОСИ горячо приветствует вас, писателя-багачевку, в день двадцатипятилетия вашей славы литературной деятельности. Мы дали лучшие образцы якутской революционной поэзии и прозы и своими произведениями обогатили якутскую советскую литературу. Желаем вам успешно продолжать вашу плодотворную политическую, общественную и литературную деятельность, способствуя еще большему расцвету Якутской республики и ее литературы.

ПРАВЛЕНИЕ ССР СССР.

Б. БРАЙНИНА

Вторые и первые роли

В. Каверин пишет давно. В прежних его произведениях замесловата, приключенческая интрига откровенно заслоняла живую действительность. В «Скандинавии», например, напрасно искать реальных характеров. Там их нет. В «Скандинавии» много действия, экспозиции, а читатель остается впечатлен бездельной полнотой, холода, натянутости.

В романе «Исполнение желаний» В. Каверин стремится идти по иному пути. Здесь несомненно попытка дать — только реальные характеры, но и затронуть живые вопросы нашей действительности. Тем не менее персонажи, которых автор поручил главные роли, попросту неопределимы и колотыни. Они только играют роли, а не живут. Читатель видит улицы города, дома, обстановку, даже холодный, морозный ленинградский снежок, о котором так часто упоминает автор. Но жизни нет, людей нет (исключение — образ профессора Вауэра, о котором речь ниже). Читатель ни на минуту не забывает, что перед ним книга, только книга, в которой, правда, видны известный вкус и опыт писателя, но она не заставляет волноваться, думать, переживать.

Обратимся непосредственно к содержанию романа. Первая книга романа названа «Трубоческое». И не только в первой, но и во второй книге больше всего внимания уделено Трубоческому. Что же представляет собой этот главный герой Трубоческого? Это человек-история. Это человек, чей истинный талантливый дар, полный научных интересов и юношеского честолюбия. Он с увлечением работает в архиве над рукописями декабристов, он делает научные открытия. Трубоческому предлагают подписать договор на книгу, и, полный несдержанной радости и торжества, он подписывает этот договор. Во всяком случае, самый приличный читатель не найдет в нем ничего неприемлемого для нашей действительности.

Но автор почему-то захотел превратить Трубоческого в терзаемого «сложными» противоречиями кающегося интеллигентно-индивидуалиста, юношу со слезами всякого рода «родных пятен». Иными словами, автор заставил Трубоческого играть роль, которую тот играть не умеет. В помощь своему герою автор пришлось привлечь весьма замусловатую сюжетную интригу, могущую сыграть роль любого детективного романа. Трубоческий работает в архиве декабристов, и даже в том, что он работает в архиве, он вынужден вложить в роль ученого, Машеньку. Но демонический злодей, некий Неврозин, друг сына ученого, обнаруживает архив, и чтобы выжить, он сваливает вину на Трубоческого. Неврозину помогает «профессиональная красавица», соблазнительница Трубоческого. Гибнет все. Оклевещанный Трубоческий близок к самоубийству, но при помощи другого героя (положительного), студента Карташихина, справляется с собой, едет на Днепрострель и примиряется с жизнью. В это время Карташихин влюбляется в Машеньку и женится на ней.

Чем несчастный Трубоческий провинился перед советской действительностью? Почему он мелкобуржуазный? Почему он «индивидуалист»? В чем он должен каяться? Где, в чем конфликт? Понять невозможно.

Ничего преступного нет в том, что Трубоческий подписал договор на книгу, что он стремился к славе, что он увлекается научной работой. Нет преступления и в том, что Трубоческий пошел на вечеринку, выпил там лишнее, и даже в том, что он был соблазнен красивой женщиной. Автор ставит в смешное положение и себя, и своего героя.

Чернышевский писал, что герой «Аббадона», романа Полевого, «Рейхенбах тем смешнее, что почтенный сочинитель нисколько не думал издеваться над ним, но от чистого сердца убежден, что представил нам в своем Рейхенбахе истинного поэта, душу глубокого, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбах есть что-то уродливое, смешное, не образ и не фигура, а какая-то каракуля, начерченная на серой и толстой бумаге дурилою окаянным пером».

Когда Каверин своего «куноного и талантливого» Трубоческого застав-

ляет делать желанности и клупости, полагая при том, что изображает человека «большого желаний» и сложных внутренних конфликтов, то получается вместо живого образа смешная каракуля-карикатура.

Схематично и немотивированно развитие характера и другого героя, студента-медика Карташихина. Карташихин автор вводит роль стойкого, презренного, неуязвимого комсомольца. Но взаимоотношения этого положительного героя с советской действительностью исключительно внешние.

К примеру, присовет Карташихина к своему приемному отцу и видит постройный в горах Кавказа новый город.

— Здорово, — сказал Вилленкин. — Да вот так взять и построить город.

И больше никаких реакций. «Взять и построить».

Н. Карташихина, ни Трубоческого читатель не запомнит, не полюбит, не увесет в своем сердце. Потому что это не типы, не характеры, не живые люди.

Но в романе есть другое, что может тронуть, заинтересовать читателя. Это образ знаменитого историка профессора Вауэра, а также изображенные научные изыскания, научного творчества молодежи.

В архиве Вауэра — благородная атмосфера уважения и любви к науке, к историческим памятникам. Очень интересно самое описание архива, всех этих рядов старинных книг, документов, писем, рукописей. Особенно трогает описание рукописи Пушкина, его почерка, его зарисовок.

Вауэр с каким-то особым благородством, простотой и скромностью отдает всю свою жизнь науке. Даже жестокая, смертельная болезнь не в состоянии оторвать его от научных интересов. Он до последних минут дышит наукой.

Вауэр любит молодежь, видит в ней великое будущее, своих наследников. С трогательным вниманием относится он к Трубоческому. В своей последней прощальной лекции он обращается только к молодежи, говорит только для нее.

Автор правдиво изображает особую благоприятную обстановку для всякого рода талантливого и честной работы в Советской стране. Революция открыла широкие двери науке. Интересно, что воспоминания об этом, большом революционере, геройски погибшем в гражданскую войну, являющемуся Карташихиным на пути научных открытий, научного творчества.

И читатель все время чувствует какую-то связь, какую-то общность, преемственность между двумя стариками — Вауэром и погибшим за революцию отцом Карташихина.

В этом отношении символически разговор Машеньки (дочери Вауэра) и Карташихина в эпилоге романа. Машенька и Карташихин поженились. У них родился сын. Счастливая мать спрашивает:

— Не понимаю, в кого он такой? — Хорошо, если бы в деда.

— В какого? — В обоих, — запнувшись, сказал Карташихин и улыбнулся. Это был старый спор — о сравнительных достоинствах делов.

«Эта история больше себя самой, и люди больше тех людей, которые они играли», — пишет автор о своем романе, подразумевая главных героев — Трубоческого и Карташихина. Нет, не больше, к сожалению, не больше, вернее, много меньше, чем полагает автор.

Зато вторые роли, второстепенных героев оказались больше, чем полагает автор. И в первую очередь роль профессора Вауэра. Здесь замесловатое сюжет, интрига, детектив — все это отходит на задний план. Перед читателем — правда о старом заслуженном советском ученом. Высокие научные интересы, сила духа, горячая любовь, кровный интерес к «смене», предельная честность. Все это — неотъемлемые черты внутреннего облика и Павлова, и Мичурина, и Карпинского, и целого ряда других великих ученых, ныне живущих и работающих в нашей стране.

Трагедия этой переживаний не только описана, но и все великие гуманные, светлые устремления, преобладающие оптимистические мечты и безжалостное разбивание о жестокую действительность классового общества. И как бы в противовес этому Ветховен создавал замечательные произведения, в которых утверждалась и торжествовала его гуманистические мечты. Результатом титанического внутреннего напряжения и борьбы, титанических вылетов фантазии и мысли являлись великие музыкальные творения его гения.

Ветховен — страстный революционер, непримиримый и страстный якобин. Он революционер не только по своим идеям, по своему мироощущению, но по полному революционному и в своем творчестве.

Ветховен — глубоко убежденный оптимист, у него неуязвима вера в торжество лучших устремлений че-

ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Первые номера трехмесячного еврейского журнала «Форпост» — внушительный ответ тем, кто скептически расценивает будущее Гиробиджана как главного организующего центра еврейской национальной культуры.

Не только в СССР, но и за рубежом еврейские трудящиеся массы сумеют пользоваться «Форпостом» как источником, дающим самые разнообразные представления о строительстве Гиробиджана. Этому отчасти помогает то обстоятельство, что организаторы журнала очень широко принимают свои заказы и сумели уже в первых номерах занять правильную позицию, выгодно отличающую их от редакций многих других наших журналов.

Главная и наиболее полноклюющая особенность «Форпоста» заключается в том, что он имеет свое ярко выраженное лицо, в том, что он органически связан с жизнью, борьбой, строительством, судьбами Еврейской Автономной области и всего Дальневосточного края. «Форпост» не ограничивается художественным показом бытосной действительности. Он охватывает все и борьбу за теоретическое единство, разоблачая концепции буржуазно-националистических теоретиков, но, кроме того, широко освещает все научно-исследовательские работы, ведущиеся в крае, и т. д.

В этом направлении содержание первых двух номеров является весьма многообразным. Наряду с рассказами и стихотворениями крупнейших писателей и поэтов, таких, как Д. Берельсон, П. Маркин, И. Фельд, наряду с критическими статьями Литвакова, Хашина, Добрушина, Клигеника и др., в журнале помещены и статьи агронома Каменецкого «О природных условиях и богатствах Еврейской Автономной области», профессора Брука «О сельском хозяйстве Гиробиджана», Канторевича «Промышленные силы Гиробиджана», материалы работ научной комиссии о фауне и флоре области и т. п.

Не меньший интерес представляют и помещенные в журнале статьи: Димаштейна — «Советская еврейская государственность» и «Сталинская Конституция», Браханна — «Большевистская партия в борьбе за разрешение еврейского вопроса» и «Борьба Ленина и Сталина против еврейского национализма», Новика — «Палеонтология», статья секретаря окружного БИК(б) Т. Хавкина, посвященная истории строительства в Еврейской Автономной области, и т. д.

Наряду с этим в журнале помещены и статьи, посвященные в частности украинскому документированию, статьи эти воскрешают в памяти еврейских трудящихся масс все несправедливую практику еврейских буржуазных и мелкобуржуазных националистов, практику разоблаченную и закреплённую великими основоположниками партии большевиков. Одномерно эти статьи раскрывают историю борьбы за еврейскую государственность в Гиробиджана, где задача эта осуществляется на основе

* «Форпост» — еврейский трехмесячный журнал в Гиробиджана, №№ 1—2.

интернационального единства евреев, социалистического строительства, свободного социалистического труда, и в Палеонто, где оживлены тесно связаны с английскими империализмом и где создается строй, полный таких же трагических противоречий, как общественный строй в любой капиталистической стране.

Исключительно ценным следует признать отдел «Люди Еврейской Автономной области». Стахановцы сами рассказывают о своем опыте, о своей судьбе. Трудно без волнения читать бесхитростные, но увлекательные рассказы кузнеца Шлойми Штайлы, мясника Ревкина, дяди колхоза им. Лаврентьева, комсомольца Герданикова, директора кирпичного завода Рувина Штейна, несомненно лет назад иммигрировавшего в Гиробиджана из Америки, рассказы о том, как люди, не знавшие этого дела, перешли на труд, что такое Россия, переорудились в обстановке социалистического строительства и сумели занять место в первых рядах строителей нового общества.

Вполне естественно, что именно в этом журнале, скромно делающим свое героическое дело, устремленно внимающим писателям, привлеченным темой Гиробиджана. Именно о них рассказывает Берельсон в своей мастерской повести «На подвеме», где изображены трудности освоения Гиробиджана, именно им посвящает свой интересный, отличающийся свежестями и остротой ситуаций рассказ «Два берега» молодой писательница Долина, они живут и действуют в прекрасной обстановке Перца Маркина о пограничниках, в стихах даровитого поэта Олесового и в других произведениях, помещенных в «Форпост».

Мы лишены возможности дать объективную оценку достоинств и недостатков художественного отдела «Форпоста», но следует все же отметить здесь одну доминирующую тему:

Во всех стихах и рассказах нового журнала весьма ослепительно выделяется колорит — в пейзаже, в специфике изображаемых будней, в бытовых деталях, в, главное, в том чувстве границы, в котором проинизала вообще каждая строка журнала.

Это сильно приближает читателя к обстановке, в которой живет Еврейская Автономная область, и глубже позволяет постигнуть своеобразие и сложность борьбы, которую ведут еврейские трудящиеся массы под руководством коммунистической партии. Кроме того эти страницы украинского документирования, статьи эти воскрешают в памяти еврейских трудящихся масс все несправедливую практику еврейских буржуазных и мелкобуржуазных националистов, практику разоблаченную и закреплённую великими основоположниками партии большевиков. Одномерно эти статьи раскрывают историю борьбы за еврейскую государственность в Гиробиджана, где задача эта осуществляется на основе

Ю. Р.

Б. БУАЧИДЗЕ
Поэты советской
Грузии

(Переводы Бориса Брика)

На днях в Гослитиздате вышла книга «Поэты советской Грузии» в переводах Бориса Брика. Уже несколько лет как Брик плодотворно работает в области перевода грузинской поэзии. В своих талантливых переводах, собранных в данной книге (многие из них были уже опубликованы раньше), он выявляет свое глубокое творческое отношение к грузинской поэзии, которое далеко от случайного, мимолетного интереса.

Б. Брик в деле перевода отдельных поэтов достиг большого творческого успеха. Но его работа не лишена еще ряда существенных недостатков.

Переводчик не всегда умеет выбрать лучшее из всего поэтического творчества грузин, для него характерна некоторая односторонность отбора. Названия книги не совсем оправданы. На переводов поэтов Советской Грузии многих Брик еще не начинал переводить, некоторые же поэты представлены лишь случайными вещами плохо представленными, например, переводы поэтов Грузии Симон Чиковани и Алло Манашидзе. Это в значительной степени относится и к поэту-орденоносцу Галактиону Табидзе, хотя стихи его Брик переводил давно и перевел их уже не малое количество.

Основной недостаток переводов Б. Брика — некоторая потеря своеобразия отдельных поэтов. Это, может быть, в какой-то степени является неизбежным — как всякий переводчик накладывает на переводимый материал отпечаток своей творческой индивидуальности, но мастерство поэта в том и заключается, чтобы максимально легко передать особенности, колорит, своеобразие оригинала.

Б. Брику больше удается эпические-повествовательные, коллоквиальные произведения, он часто отстает перед глубоко проникновенной лирикой. Эта черта больше всего сказывается в переводах Галактиона Табидзе.

Творчество народного поэта Грузии Галактиона Табидзе глубоко лирично. Поэт всякую тему, глубоко злободневную, остро-политическую, поэтически воспринимает в форме не посредственно выражаемых чувств. Его поэзия оптимистична.

События октябрьских дней творчества воодушевляли поэта: он в своих стихах и поэмах не раз возвращался к ним, создавая свои пламенные, откровенные произведения.

В книгу переводов Б. Брика включено несколько стихов из «Джозо Гидла» (написаны в 1922 г.) Г. Табидзе. Эти стихи поэтически красками запечатлели боевые эпизоды Октябрьской революции, бурю событий, потрясших все земное.

Нашей неотъемлемой социалистической родине, и в частности новой Грузии, Галактион Табидзе посвятил ряд поэм и целый цикл лирических стихотворений. Поэма «Революционная Грузия» — одно из самых ярких произведений советской поэзии. Из этого цикла Б. Брик перевел и включил в свою книгу, к сожалению, только два стихотворения: «Абхазия» и «То было в старину». Надо было бы глубже и основательнее ознакомиться с русскими читателями с поэзией замечательного народного поэта Грузии Галактиона Табидзе, неутомимой и талантливой творческой работой заслуженного ордена Ленина, Алло Манашидзе — в книге Б. Брика представлен только один стихотворением. Имя Манашидзе тесно связано с боевыми традициями комсомола Грузии, воспитанием и вложением поэта. Перу Манашидзе принадлежит одно из самых лучших лирических стихотворений на смерть Ленина. Великому Ленину Алло Манашидзе посвятил целый цикл стихотворений, одно из которых — «Ленин в нашей борьбе» — перевод Брик.

Пролетарские поэты Ираклий Абашидзе, Александр Гоманавиди (по небрежности редактора «перемешаны» в Сандро), Самуэло Дули — каждый представлен лишь одним произведением.

«Поэты Советской Грузии в переводах Бориса Брика», Гослитиздат, 1936 г. Стр. 142. Цена 3 р. 75 к. Тираж 5 000. Редактор В. Гольцев.

В. Брик удачно перевел «Две баллады» и «Мхедрули» поэта Карло Кааладе. Он сумел передать даже некоторую холодную напущенность, свойственную балладам Кааладе.

Стихотворения Симона Чиковани «Над бездной» и «Прошание с молодостью» относятся к давно пройденным этапам. Особенно первое из них. Желательно было бы дать более новое и характерное из творчества этого поэта.

В книгу «Поэты советской Грузии» включены блестящие переводы «Олегов Риюна» К. Чичинадзе и «Апокалипсиса» Г. Леонидзе.

К Чичинадзе, великий большую и весьма ценную работу над переводом мировых классиков, за последние годы мало работает над созданием собственных оригинальных стихов. В сборнике — переводы проведенные поэтом, относящиеся к более ранним годам его творчества (1923—1929). Содержание этих стихов не связано с актуальными вопросами современности (иногда поэты и отдалены («Чучело пали», «Коринна», «Чучула»). Лучшие поэтические произведения К. Чичинадзе — «Апокалипсиса» Эта поэма отличается большой выразительностью, в ней вполне подлинное поэтическое выражение все величие мощной режии.

«Одинокое дерево» Георга Леонидзе — одно из лучших его произведений. Оно плещет своей поэтической свежестью, своей непосредственной лиричностью. Его же остро политическое стихотворение «Поэма советского Азербайджана» в свое время явилось свидетельством решительного отхода поэта от романтики прошлого.

Наиболее полно и наиболее удачно в Б. Брик переводит поэта Тинана Табидзе. К особенностям творческого пути Т. Табидзе нужно отнести реальные идейные изыскания. Но в последние годы поэт все настойчивее прололывает свой индивидуализм, доходящий порою до прямой реакционности, и все чаще и любознее обращается в своих стихах к социалистическому сегодня. Переводы в Б. Брика главным образом отражают именно эту революционную струю поэзии Т. Табидзе.

Весьма неудачно представлен в книге Б. Брика замечательный и значительный поэт В. Гирапантишвили. Его стихотворение «Влажливый Паралич», написанное в 1919 году, представляет собой грустную типичную символическую лирику, мало интересную для советского читателя; написанное в 1926 году стихотворение, написанное в русском переводе, много потеряло в русском переводе.

В. Брик дает несколько переводов произведений поэтов Н. Минцишвили и П. Яншидзе. Н. Минцишвили за последние годы написал цикл талантливых стихов «Новая площадь». В книге В. Брика нужно отметить стихи Минцишвили «Ватерлоо» и «Шушкун».

В переводах Б. Брика талантливого поэта-орденоносца П. Яншидзе представлен далеко не лучшими стихами. Как наиболее удачное, можем отметить «Проводя дочку на дачу».

В целом книга В. Брика, несмотря на свои недостатки, является безусловно важным вкладом в дело ознакомления русского читателя с грузинской поэзией. Эту плодотворную творческую работу, однако, важную как в политическом, так и в культурном отношении, нужно вселески приветствовать.

В примечаниях к книге «Поэты советской Грузии» допущено изрядное количество не только неточностей, но даже явно неправильных положений. Например, о народном поэте Г. Табидзе сказано, что он в 1915 году примкнул к группе «Голубые Роги», хотя фактически этого не было.

Но совершенно возмутительной является постоянная ссылка комментатора, скрывающегося под инициалами В. Г., на «авторитет» некоего Торошедидзе. Комментарий не получил никакой поддержки, что представляется собой откровенное пренебрежение к авторитетам, контрреволюционер, враг народа. Это было известно задолго до выхода книги «Поэты Советской Грузии» Комментаторы и редакторы, потеряв бдительность, дали на страницах книги место высказываниям классового врага.

Бетховен. Рисунок Е. Летронна, гравированный Блазиусом Гелфемом (1814 г.).

ловности. Он не представлял и не мог себе ясно представить пути и этого торжества; они были указаны великими десятилетиями позже. Но он пытался преодолеть историческую классовую ограниченность своего времени.

В области музыкального творчества Бетховен совершил самый грандиозный переворот, самую великую революцию, которая когда-либо совершалась. Бетховенская музыка — это монументальный игрок и завершение трехвекового напряженного и лихорадочного развития музыкального искусства, давшего и блестящую школу итальянских инструменталистов, и реалистическую, глубоко народную, итальянскую оперу, и величественную симфонию Баха, и героическую Гайды, и симфонию Моцарта.

Бетховен выступил не только как предолокатель этого богатейшего музыкального наследия, но и как гениальный новатор. Восприняв у своих предшественников старые музыкальные формы, освоив найденные до него богатейшие средства художественного выражения, Бетховен совершил великий переворот, перевернул вверх дном старое музыкальное искусство.

Старые музыкальные формы он наполнил новым, героическим содержанием — великими перекрещивающимися страстями и драматическими столкновениями, и трагическими воплями, и страстными, победными ликованиями. Самые художественные формы им были коренным образом переобработаны, усовершенствованы и обогащены. Соната, симфония и другие формы музыкального искусства, которые Бетховен усовершенствовал у своих прямых предшественников — Гайды и Моцарта, в результате творческой переработки были доведены им до исключительного совершенства. До наших дней они остались классическими образцами музыкального искусства.

Уже первыми своими квартетами, сонатами и симфониями Бетховен открыл путь сложившемуся в течение столетия старому представлению о границах развития музыкального искусства. Современное ему мышление, философия, искусство, философия, философия — все это было для Бетховена не только средством, но и целью его творчества. Бетховен совершил великий переворот, перевернул вверх дном старое музыкальное искусство.

Д. ГАЧЕВ
БЕТХОВЕН

К 110-летию со дня смерти

Самые прекрасные произведения классического музыкального искусства замечательным главным образом тем, что в них в той или иной форме отражена великая душа народа, его радости и страдания, ликование и печаль, его многовековая мечта и стремление к светлой, счастливой жизни, его протест и революционная борьба за освобождение от всякой тирании, от всякого гнета.

Все многообразные переживания народа, его идеи и чувства, так же как и его борьба, нашли свое претворение и в творчестве крупнейших итальянских композиторов и в музыке Генделя и Баха, Гайды и Локко, Моцарта и Бетховена, Чайковского и Мусоргского.

Людвиг Ван Бетховен, наряду с Микель Анджело, Шекспиром и Гете, принадлежит к числу величайших художников человечества. 110 лет прошло со дня смерти Бетховена. И только в Советском Союзе музыка этого великого композитора обрела свою истинную родину.

Бетховен — современный революционной эпохи, эпохи социальных потрясений, жестоких и кровавых столкновений, эпохи бурных страстей, сильных характеров, эпохи титанических, Робеспьера. Марата. С потрясающей силой, с торжественным пафосом и драматической мощью выявляет Бетховен в своей музыке богатейшую гамму идей, чувств и переживаний передового человечества этой переломной эпохи.

Бетховен был одним из величайших

ми своих симфоний. Они не могли сравниться с режиссированными, с неубывающей модуляциями, с дерзкой динамикой бетховенской музыки. Они взбунтовались против волевого ритма, бурного развития и выпячивания страстей его симфоний.

Даже Гете, впервые услышавший в фортепианном исполнении юного Феликса Мендельсона 5-ю (С-moll) симфонию, буквально был взбужден и восторженно воскликнул: «Это нисколько не трогает, только изумляет. Это правдоподобно... Это величественно, и совсем безумно! Становится страшно, что дом на тебя обрушится. Что будет, если все люди вместе прыгнут над эту итяти?».

Бетховен умел закончить, во искусство и выразительную тему развить в правдивое движение и, проинизавшая его железной, чисто бетховенской логикой музыкального развития, создать монументальные музыкальные творения с исключительными и несомненным до него единством художественного замысла и заверенными формами. Такими его симфониями, сонатами, квартетами и трио, таква изумительна по своей цельности, монументальности, единству развития и предельной законности его 5-я симфония.

Музыка Бетховена — это прежде всего музыка глубоко народная, а сам Бетховен — поистине народный гений. Бетховен на протяжении всего своего творческого пути обращался к великому сокровищному наследию народа, отталкиваясь от него не только особым выразительными и оригинальными мотивами, ритмами и мелодиями, но и некоторыми формальными художественными приемами и приемами.

Вариативные приемы, типичные для его фортепианных сонат, струнных квартетов, знаменитого скрипичного концерта (этого, наряду с «На конопях» Баха, самого прекрасного произведения скрипичной литературы), почти для всех его симфоний заимствованы в народном музыкальном творчестве.

Народность музыки Бетховена выражалась не только в использовании народных песен и танцев. Этот мелодический, интонационный и ритмический материал, преобразованный и переработанный в его творческой лаборатории, звучал по-новому в его произведениях.

Народность Бетховена сказывается главным образом в том, что Бетховен как никто умел выпразить народную душу, жизнь, торжество и печаль народа. Бетховен, как никто из предшествующих ему композиторов и из композиторов последующих лет, выпразил в музыке митический, бунтарский дух народа. Бетховен как никто умел расширить в звуках народную революционную стихию, устремить ее на истинный творческий путь и тем самым расширил и принес ее в область торжества и ликования. В этом особенно величие гения Бетховена.

«Durfen Leiden» —

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

25—29 марта

1812 год.

Родился И. И. Панаев

27/15 марта 1812 г. родился И. И. Панаев — один из виднейших писателей и литературных деятелей сороковых годов. Современным читателям Панаев известен преимущественно как автор «Литературных воспоминаний» и «Воспоминаний о Белинском».

Ученые исследования о деятельности Панаева современному читателю мало известны. Но в свое время Панаев занимал видное и почетное место среди русских писателей. Сашков-Шадрин сам признает, что был известнее время под его влиянием.

В истории журналистики Панаеву принадлежит весьма почетное место. Он помог Некрасову встать во главе «Современника» и в течение ряда лет вести журнал на высоком идейном уровне, поскольку это было возможно в эпоху беспрепятственного цензурного террора.

1827 год.

Умер поэт Д. В. Веневитинов

Веневитинов умер 27/15 марта 1827 г. «Славилась вышележащая Россия не только для этого философа романиста», — отзывался двадцатилетним, как его называли впоследствии.

Веневитинов умер 22 лет и находился очень немощно. Но стихи его имели большой успех. Пушкин относился к нему дружески. В частности Пушкин же посоветовал ему издавать «Московский вестник».

Нашильте в журнале, Веневитинов переживает в Петербурге. На астае он был арестован только за то,

что ехал в одной карете с французом Воше, вернувшимся из Сибири, куда он отвозил жемчуг декабриста Трубецкого. Этот арест погубил Веневитинова. Его племянник (М. Веневитинов) рассказывает: «Бомната, в которой он сидел в главном штабе, была очень сыра и холодна; это оказало дурное влияние на не очень крепкое здоровье Дм. Вл. и помогло развиться той болезни, которая привела его к смерти, если только не было причиной самой болезни».

1892 год.

Умер Уот Уитмен

26 марта 1892 г. умер один из крупнейших американских поэтов. Уот Уитмен. Уитмен был поэтом-франкостом. Его стихи чаще всего посвящены городу, уличной культуре, массам людей, фабрикам, машинам. Часто он останавливается на теме взаимоотношений всех людей и международной солидарности, но ставит эти вопросы по-настоящему, не понимая значения международного пролетарского движения.

Огромное влияние оказали формальные приемы Уитмена на европейскую поэзию конца XIX века. Отказавшись от деления стихов на строфы, пренебрегая рифмой, утверждая ритмическую прозу, Уитмен вывел много последователей в Италии, Германии и Франции.

1887 год.

И. Давиташвили

26 марта 1887 г. умер первый рабочий-поэт Грузии Исидор Давиташвили. Сын крепостного крестьянина, одержавший степенями, он почти во всех своих стихотворениях говорит о тяжелой жизни трудящихся. Наряду с этим он воспеивает ряд прекрасных стихотворений своей родине. Этот глубокий патриотизм, не исключивший националистических мотивов, был близок и понятен читателям поэта так же, как и его горячий призыв к рабочим и крестьянам дружно бороться против акцидентов.

В своем творчестве Давиташвили широко использовал образы народной поэзии, благодаря чему его стихи имели выразительности и пользуются большой любовью в Грузии. Полное собрание стихов Давиташвили было выпущено в 1926 году.

Герценовские дни в Москве

Московский университет готовит к 126-летию со дня рождения Герцена выставку.

Среди экспонатов — фотографии с прошения Герцена о зачислении его в число студентов физико-математического факультета Московского университета, о университетских дипломах Герцена и Огарева, а также с рукописи диссертации Герцена «Аналитическое изложение системы Коперника».

Особый плакат посвящен событиям из жизни университета, связанным с пребыванием в нем А. И. Герцена. Заключенный в октябре 1829 г. в число студентов, Герцен за участие в демонстрации против грубого и невежественного профессора Малова был посажен в университетский карцер. В 1833 году Герцен и Огарев принимают руководящее участие в нелегальном студенческом кружке. В июне того же года Герцен кончает университет о серебряной медалью.

В июле 1834 г. Герцена и Огарева арестовывают по подозрению в участии в нелегальном студенческом кружке. В 1843 году через университет возобновляется ходатайство о разрешении Герцену выехать за границу. Это ходатайство было отклонено. На выставку можно будет ознакомиться с делом о незаконности надзорному совету Герцену отправиться за границу (1843 г.). Университетская научная библиотека им. Горького обладает богатейшим книжным фондом, передавая на выставку ряд весьма ценных изданий, в том числе представляющие собой большую библиографическую редкость издания, напечатанные за границей в «Русской вольной типографии» А. И. Герцена.

Студенческую научную конференцию на тему «Революционные течения 30-х—50-х годов прошлого века и историческое значение Герцена» устраивает по инициативе комсомола второго курса, исторический факультет Московского университета.

На конференции студентами будет сделано пять докладов: вводный доклад на тему «Эпоха 40-х и 50-х годов»; обобщающий доклад о Герцене; доклад о Белинском и его связи с Герценом; о Чернышевском как преемнике Герцена, сыгравшем руководящую роль в дальнейшем развитии революционного движения; и доклад «Петрашевский и петрашевцы».

Зачем все это делается? — осветить деятельность ряда революционеров 30-х—50-х годов России — борцов против самодержавия и крепостничества. На конференции будут освещены также различные течения западноевропейского утопического социализма и то влияние, которое оказал Герцен на своих современников — деятелей революционного движения.

Подготовка к конференции проходит под руководством профессора Н. М. Дружинина и М. В. Нечкиной.

Избранные статьи Луначарского

Избранные работы А. В. Луначарского о русской литературе выпускает, под редакцией Н. Ф. Бальмунда, Гослитиздат. В сборнике помещены статьи и речи о Пушкине, о Грибоедове, Лермонтове, Гоголе, Шестидесятиках, Некрасове, Шелдине, Чернышевском, А. М. Горьком, Ал. Блоке, Вл. Маяковском.

Очерком о творчестве отдельных писателей предпосланы три статьи обобщающего характера («Литература и революция», «Судьбы русской литературы», «О наследстве классиков»), посвященные методологическим проблемам научения литературы.

Очерком по творчеству отдельных писателей предпосланы три статьи обобщающего характера («Литература и революция», «Судьбы русской литературы», «О наследстве классиков»), посвященные методологическим проблемам научения литературы.

В самом деле, возьмем оптимальный вариант, допустим, что Комитет действительно получит все гонимые юбилейные пьесы в установленный срок — 1 апреля и, ознакомившись с ними в течение месяца, сможет рекомендовать их театрам. Даже в этом случае театры приступят к работе над пьесами в середине мая. За вычетом одного месяца, когда театры будут в отпуску, им останется всего четыре месяца для работы над юбилейным спектаклем. Куда ли можно предположить, что

Сборник произведений О. Туманяна

К 14-й годовщине смерти знаменитого армянского поэта Ованеса Туманяна, исполнившейся 28 марта, Гослитиздатом выпущен сборник его избранных стихов, рассказов и сказок в переводах на русский язык.

Декада узбекского искусства

Восковой Комитет по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР проводит в Москве, в мае, декаду узбекского искусства. Во время декады состоятся оперные спектакли Государственного узбекского музыкального театра и выступления музыкальных коллективов.

Спектакли будут происходить в помещении филиала Большого театра Союза ССР.

В ожидании помощи

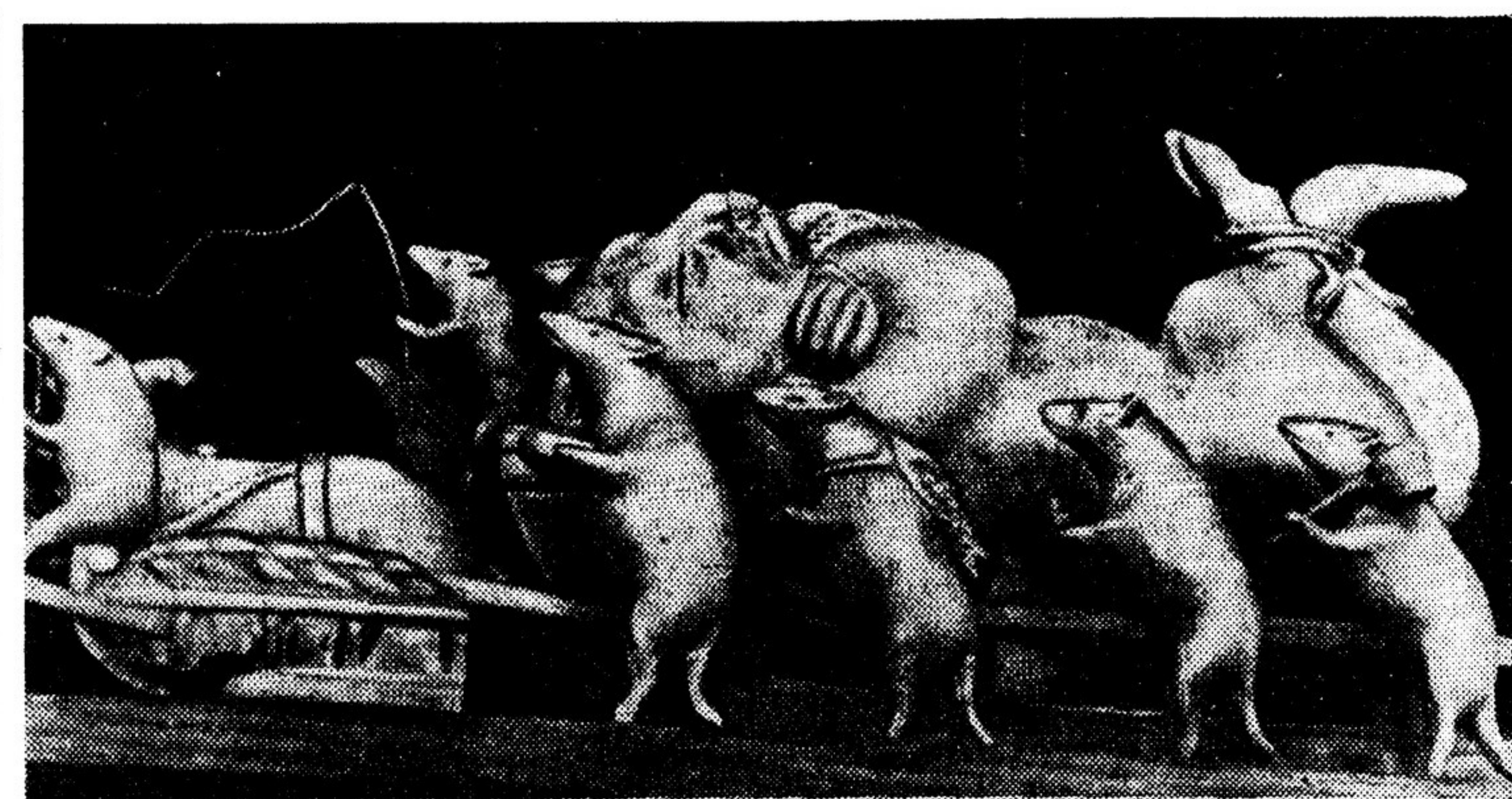
О подготовке спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции

«Правда» в статье «Современный вопрос», посвященной подготовке пьес и спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции, пишет:

«Не пора ли Комитету по делам искусств поручить авторам и принять все-какие реальные меры, чтобы не допустить опоздания юбилейных спектаклей?»

Этот вопрос современности — вопрос — на устах буквально у всех руководителей театров, с которыми нам приходится беседовать в течение последних дней.

Комитет по делам искусств утвердил неопозданно последние сроки для представления драматургами юбилейных пьес — deadline на 11 мая. П. П. Архипов (МХАТ СССР им. Горького), И. М. Яковлев (Малый театр), А. Я. Таиров (Камерный театр), В. Е. Завава (театр им. Вахтангова и др. За это предельно срочная подготовка театральным коллективам.

А. И. Рыков (Загорск). «Как мыши кот хоронила». Дерево. Выставка народного творчества в Государственной Третьяковской галерее в Москве.

Передвижная пушкинская выставка

В пушкинские дни большим успехом пользовались организованная Государственным литературным музеем в Москве передвижная выставка «Жизнь и творчество А. С. Пушкина». Она демонстрировалась на Пушкинской сессии Академии наук СССР и на других торжественных заседаниях, посвященных великому поэту. Этим выставкам удалось познакомиться со всем жизненным и творческим путем Пушкина.

Дочь Маркса — переводчик Флобера

В настоящее время мало кому известно, что дочь Маркса, Элеонора Маркс, была первым переводчиком «Госпожи Бовари» Флобера на английский язык.

Элеонора Маркс (1856—1898), активная участница английского рабочего движения, состояла корреспондентом различных научных обществ, свободно владела французским, английским и португальским языками и переводила немало художественной литературы. Ее переводы, особенно на Ибсена, охотно печатались различными издательствами.

Английский перевод «Госпожи Бовари» был издан Элеонорой Маркс в 1886 г. под именем Элеоноры Маркс-Эвелинг. Он был выпущен в Лондоне издательством Vizetelli.

Мы не знаем, имелась ли в тех пор на английском языке другие переводы «Госпожи Бовари», но перевод Элеоноры Маркс переносится до сих пор.

Сборник произведений О. Туманяна

К 14-й годовщине смерти знаменитого армянского поэта Ованеса Туманяна, исполнившейся 28 марта, Гослитиздатом выпущен сборник его избранных стихов, рассказов и сказок в переводах на русский язык.

Декада узбекского искусства

Восковой Комитет по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР проводит в Москве, в мае, декаду узбекского искусства. Во время декады состоятся оперные спектакли Государственного узбекского музыкального театра и выступления музыкальных коллективов.

Спектакли будут происходить в помещении филиала Большого театра Союза ССР.

В ожидании помощи

О подготовке спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции

«Правда» в статье «Современный вопрос», посвященной подготовке пьес и спектаклей к 20-летию Великой Пролетарской революции, пишет:

Семейный архив Герцена

В связи с юбилеем Герцена возникает вопрос о новом издании полного собрания его сочинений с устранением тех ошибок и неточностей, которые вкрались в 22-томное очень ценное во многих отношениях издание Лемке, главным образом, вследствие тяжелых условий его редакторской работы в годы гражданской войны. Конечно, для осуществления нового издания необходимо будет заново пересмотреть все подлинные рукописи Герцена, хранящиеся в различных собраниях Советского Союза (Библиотека имени В. И. Ленина и Государственный литературный музей в Москве, Публичная библиотека в Ленинграде, Институт литературы при Академии наук и др.).

Издание древнеармянских рукописей

По решению Совнаркома Армянской ССР, Вревским институтом истории и литературы приступлено к изданию древнеармянских рукописей. В течение 1937 г. будет издано шесть рукописей, в том числе «Математика» и «Астрономия» Аниана Ширакского, «Книга врачевания» Амбарцумовича, труды историка Егумя, а также альбом памятников древнеармянской архитектуры.

Рассказы о Саратове

Саратовское областное государственное издательство выпускает напечатанных рассказов о Саратове. В сборник войдут произведения современных авторов, ученых и друзей Н. Г. Чернышевского. Рассказы печатались в журналах 60—70-х годов прошлого столетия.

Маленький фельетон «БРАКОГРАФИЯ»

— Веди ты венчера, Эржине, жена венчери. И если ролина зовет, если Венгрия треснет... — Ну, это уж слишком! И механит, и жена—еще куда ни шло, но—венчери! Павел Федотов—венчери? Полюди, да «Каштан Федотов» ли это В. Шкловского? Судя по красиво оформленному переплету—десомно.

Но вот титульный лист, который мы вначале проглядели, гласит: Мата Залка. «Песнь о солдатском отпуске». Визу—марка издательства «Советский писатель» Москва, 1936 год.

Теперь все понятно: первые 16 страниц книги вместе с титульным листом относятся к рассказам М. Залки, лирическим конца, а остальная часть ее с переплетом принадлежит повести Шкловского, не имеющей начала.

Это—очередной типографский брак, образец халтуры, сфабрикованной на этот раз типографией им. Ворошилова в Москве.

Отлично отпечатана в этом экземпляре книга «Выдающаяся» на белом фоне розовой этикетки: «Промошриш № 200».

Особо следует отметить исключительную пасмурность. Управления по делам искусств при Моссовете в подготовке театрами юбилейного репертуара.

Как правило, специализация этим делом здесь не занималась. Вероятно, ставился на одном из заседаний, ставился всерьез, да и то в начале прошлого года. Давались обещания пойти вплотную к подготовке юбилейного репертуара для театров Моссовета, но обещания эти не выполнялись.

Предложение «Правды» Комитету по делам искусств оназначении драматургическими произведениями до окончания их авторами и связать определенных драматургов с определенными театрами для совместной окончательной доработки юбилейных пьес встретило живой отклик у руководящих театров.

Издание древнеармянских рукописей

По решению Совнаркома Армянской ССР, Вревским институтом истории и литературы приступлено к изданию древнеармянских рукописей. В течение 1937 г. будет издано шесть рукописей, в том числе «Математика» и «Астрономия» Аниана Ширакского, «Книга врачевания» Амбарцумовича, труды историка Егумя, а также альбом памятников древнеармянской архитектуры.

Рассказы о Саратове

Саратовское областное государственное издательство выпускает напечатанных рассказов о Саратове. В сборник войдут произведения современных авторов, ученых и друзей Н. Г. Чернышевского. Рассказы печатались в журналах 60—70-х годов прошлого столетия.

Маленький фельетон «БРАКОГРАФИЯ»

— Веди ты венчера, Эржине, жена венчери. И если ролина зовет, если Венгрия треснет... — Ну, это уж слишком! И механит, и жена—еще куда ни шло, но—венчери! Павел Федотов—венчери? Полюди, да «Каштан Федотов» ли это В. Шкловского? Судя по красиво оформленному переплету—десомно.

Но вот титульный лист, который мы вначале проглядели, гласит: Мата Залка. «Песнь о солдатском отпуске». Визу—марка издательства «Советский писатель» Москва, 1936 год.

Теперь все понятно: первые 16 страниц книги вместе с титульным листом относятся к рассказам М. Залки, лирическим конца, а остальная часть ее с переплетом принадлежит повести Шкловского, не имеющей начала.

Это—очередной типографский брак, образец халтуры, сфабрикованной на этот раз типографией им. Ворошилова в Москве.

Отлично отпечатана в этом экземпляре книга «Выдающаяся» на белом фоне розовой этикетки: «Промошриш № 200».

Особо следует отметить исключительную пасмурность. Управления по делам искусств при Моссовете в подготовке театрами юбилейного репертуара.

Как правило, специализация этим делом здесь не занималась. Вероятно, ставился на одном из заседаний, ставился всерьез, да и то в начале прошлого года. Давались обещания пойти вплотную к подготовке юбилейного репертуара для театров Моссовета, но обещания эти не выполнялись.

Предложение «Правды» Комитету по делам искусств оназначении драматургическими произведениями до окончания их авторами и связать определенных драматургов с определенными театрами для совместной окончательной доработки юбилейных пьес встретило живой отклик у руководящих театров.

Такое мероприятие значительно сократило бы сроки торопливо ожидаемой и окончательно выяснено бы картину подготовленности театров к 20-летию Великой Пролетарской революции.

«Авторская правка»

Года полтора назад в издательство «Academia» поступил перевод романа французского писателя Ретиф де ла Бретонна «Южные открытия». В издательстве рукопись одобрили и, отделившись от нее как следует, не сверяя перевод с оригиналом, послали в набор.

Через несколько месяцев поступили корректуры. Прочитав их редакционные работники и ахнули: перевод был плох: неточен, неграмотен. Издательство решило испрывать перевод в гранках.

В гранки правки «Южных открытий» после редакторской правки. Грустное зрелище! Кажется, нет в них абзаца, которого не коснулись бы рука редактора. Поля гранок испещрены знаками, словами, должностными замещениями в набранном тексте соответствующие знаки и слова. Многие фразы зачеркнуты. Одни из них заменены новыми, другие выброшены совсем.

Все эти исправления вкупе носят на языке редакционных работников строгое название—авторская правка.

Не будем спорить с редакторами, правильно ли они выправили текст. Но больше интересует вопрос: почему эти поправки не были сделаны раньше, в рукописи, почему редакция заметила неточности перевода лишь тогда, когда рукопись была набрана и когда испрывать перевод было и труднее и дороже?

Вопрос этот касается не только редакторов «Южных открытий». В одинаковой степени он относится ко всем редакционным работникам наших литературных издательств.

Авторская правка неблагоприятно отражается на производственных процессах. Каждое, даже ничтожное исправление в гранках или листах вынуждает лишние (и часто не малые) производственные затраты, требует дополнительной работы над книгой, задерживает ее выпуск. За каждое исправление в наборе издательства платят типографским штрафом.

Однако эти обстоятельства мало смущают издательских работников. Обращаются они с гранками так, словно это отпечатанный на машинке лист, который в любую минуту можно перепечатать. С решением, достоянием лучшего применения, они черпают оттиски гранок и листов, «справляя стиль», внося дополнения и изменения. В результате — книга оказывается на несколько месяцев исправления в наборе издательства платят типографским штрафом.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Поправка

Агентство «Фотохроника» сообщает нам, что в июне редактора «Фотохроника» Шмидта снимок известной северной фольклористки А. Я. Колотиловой был ошибочно сопровожден подписью — «Свадебница» были М. С. Крюкова.

Таким образом, ряд газет, в том числе и «Л. Г.» (см. № 15-й), были введены агентством в заблуждение.

От редакции

Редакция «Литературной газеты» приносит извинения читателям за опечатанную в № 16 «Л. Г.» статью О. Димина «Современница новейших рукописей», содержащую фактические и хронологические ошибки. Сотрудник О. Димина за допущенную невнимательность в работе подвержен высказанию.

Кисловодск. Новые Гостиницы «Минтурист»

Государственное издательство «Художественная литература» в ближайшие дни поступают в продажу и будут рассылаться подписчикам журналы «ОКТАБРЬ № 2»

Но, как сказать еще Козма Прутков, «нет столь великой вещи, которую не презрели бы величайшие еще большие». Некоторые гранки редакторы издательства «Academia» исправили так, что стоимость авторской правки превысила стоимость всего набора. За набор второго тома «Путешествия в Икерию» Кабо издательство уплатило 1775 руб., за авторскую правку же—1947 руб. Авторская правка по книге «Рукою Пушкина» превысила стоимость набора на 2 тысячи рублей (набор—7169 руб. правка—9200 руб.), по первому тому «Путешествия в Икерию» Кабо—на 450 руб., по сборнику сочинений Успенского — на 473 руб.

Громадные расходы на-за большой авторской правки понесло издательство при издании «Писем А. Н. Островского», сказок Гюльмана, очерков и рассказов Помимова, сочинений Валлея и многих других книг — всех не перечислишь.

«Править» набор и в Гослитиздате «Повести и рассказы» Начавшая исправлять гослитиздатскими редакторами дважды в гранках и четверть в листах. В книге было переделано 4730 строк текста. Это потребовало 90 часов дополнительной работы!

Печальные вещи, что сплошь на фронте авторская правка вынуждается не принципиальными, а субъективными соображениями. Не поправляет редактор в гранке слово—он заменяет его другим, совершенно не соответствующим исправлению, исправляет ли оно выразительности или слогости.

В издательстве «Academia» при редакторах—Рыков, Гальперин и Тарасов—два месяца выпрыгивали переводы Тарасова Эскина. Когда же стали проверять работу сих «редакторов», то 95 процентов правки пришлось отменить, так как она была ничем не обоснована, а в ряде мест даже ухудшила прежний текст.

Очень часто авторская правка обходится издательству и нежелательными редакционными затратами на работу над оригиналом до того, как он даже в набор. Некоторые редакторы вводят только в гранках или листах, «справляя стиль», внося дополнения и изменения. В результате — книга оказывается на несколько месяцев исправления в наборе издательства платят типографским штрафом.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.

Объединенными усилиями переводчиков и редакторов издательства «Academia» стоимость авторской правки была доведена до книги Тирсо де Молина «Театр» до 1224 руб., по первому тому «Путешествие в Икерию» Кабо—до 1656 руб., по сборнику произведений Луккиана — до 1630 руб.